

Къ исторіи взаимныхъ отношеній монархіи и земства въ Пруссіи въ XVII—XVIII вѣкахъ.

«Эпилогомъ исторіи прусскихъ сословій» назвалъ изслѣдователь общественныхъ и хозяйственныхъ отношеній въ Прусскомъ герцогствѣ ¹⁾ время правленія курфюрста-короля Фридриха III. Конецъ XVII и начало XVIII вѣка являются, дѣйствительно, периодомъ быстрого и неотвратимаго упадка политическаго значенія земскихъ чиновъ въ этой классической странѣ сословности, подготовленнаго, впрочемъ, всей полувѣковой дѣятельностью Великаго курфюрста, стояшаго въ связи съ общимъ переломомъ въ государственной жизни Германіи послѣ «великой нѣмецкой войны», мощнымъ натискомъ юнаго княжескаго абсолютизма на обветшалыя питавшія дуалистическихъ сословно-земскихъ «конституцій».

Въ исторіи этой борьбы нарождавшейся военно-бюрократической монархіи со старыми историческими силами территориальной эпохи царствованіе курфюрста Фридриха-Вильгельма составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ самыхъ яркихъ страницъ. Съ рѣшительной энергіей и дипломатической ловкостью осуществлялъ курфюрство двѣ основныя задачи, поставленныя предъ Гогенцоллернами съ начала XVII вѣка, съ тѣхъ поръ какъ подъ ихъ властью оказались многочисленныя, разбросанныя по всему нѣмецкому сѣверу территоріи, обладавшія до присоединенія значительной внутренней самостоятельностью и далеко не желавшія мириться съ бранденбургскимъ «иноземнымъ» господствомъ. Объединеніе этихъ разрозненныхъ, чуждыхъ другъ другу областей посредствомъ одноформенныхъ общегосударственныхъ учрежденій сдѣлалось первой изъ этихъ

¹⁾ R. Bergmann, Geschichte der ostpreussischen Stände und Steuer von 1688 bis 1704, p. 13 (Staats- und Socialwissenschaftl. Forschungen herausg. von G. Schmoller, XIX, 1. Leipzig 1901).

важных задач, от разрешенія которой зависѣло все будущее прусской державы. Не менѣ важнымъ дѣломъ курфюрста было и проченіе и развитіе монархической власти въ территоріяхъ, наделенныхъ чрезвычайными политическими полномочіями, «автономіей» сословій, ихъ стѣснительными правами въ законодательствѣ (особенно, финансовомъ) и управленіи, унаслѣдованными отъ феодально-феодалистическаго государства XV—XVI вѣковъ. Извѣстно, что осуществленіе объединительной и абсолютистской политики Великаго курфюрста въ общемъ увѣнчалось успѣхомъ, несмотря на сопротивление и долговременное сопротивленіе, которое онъ встрѣтилъ въ неприсоединенныхъ областяхъ, главнымъ образомъ, на Рейнѣ (въ герцогствѣ Клеве и графствѣ Маркъ) и въ старомъ Орденомъ герцогствѣ Прусскомъ. Въ половинѣ 60-хъ годовъ опредѣлены главные итоги этой борьбы монархіи и «земства»: повсюду государственная власть въ большей или меньшей степени освободилась отъ отвлекающаго вліянія сословныхъ чиновъ, дворянскихъ земельных-вотчинниковъ и патриціата олигархически управляемыхъ городовъ, и вынудила ихъ къ повиновенію, заставляя вмѣстѣ съ тѣмъ и сдѣлавъ изъ сферы мѣстныхъ интересовъ ихъ территоріальнаго «отечества» и призывая къ несенію общегосударственныхъ повинностей, сдѣлала изъ нихъ повѣренными широкимъ задачамъ общаго государства.

Характеръ прусской сословности отличался особенно бурнымъ характеромъ по той энергіи и упорству въ отстаиваніи своей собственности «благопріобрѣтенныхъ вольностей» отъ натиска абсолютизма, сдѣлавъ безоружными привилегированные классы въ герцогствѣ, въ основномъ его дворянство, Oberstände, и богатое бюрократство значительнаго въ странѣ торговаго центра Кенигсберга. Исходъ этой борьбы — «эпизодъ», по выраженію Бергмана, приходится уже на правленіе преемника Великаго курфюрста и былъ здѣсь иной, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ государства. Въ началѣ XVIII вѣка, въ 1715—1706 годахъ, мы встрѣчаемся съ кореннымъ переворотомъ въ устройствѣ этой важной окраины, съ формальнымъ уничтоженіемъ основного земскаго учрежденія — ландтага, съ отменой старыхъ политическихъ привилегій мѣстныхъ чиновъ: въ традиціи политикѣ Гогенцолерновъ, избѣгавшихъ крутой и рѣшительной ломки существующихъ учрежденій, предпочитавшихъ сохра-

нять их de jure неприкосновенными и ставить рядом съ новыми монархическіе органы, послушныя орудія своего «суверенитета», — актъ, исключительный по своему характеру и, безъ сомнѣнія, по вызвавшимъ его мотивамъ.

Главнѣйшимъ и даже единственнымъ поводомъ къ этой монархической реформѣ *O. Hintze* въ своихъ очеркахъ о «Государствѣ и обществѣ при первомъ королѣ» считалъ непрекращавшееся на начала XVIII вѣка противодѣйствіе прусскихъ чиновъ установленнымъ въ странѣ централизованнаго монархическаго управленія и системы постоянныхъ налоговъ, освобождавшей курфюрста отъ вліянія сословныхъ финансовыхъ правъ ¹⁾, и этотъ взглядъ лучшаго знатока эпохи находить въ общемъ подтвержденіе въ обстоятельномъ изложеніи Бергмана, гдѣ прослѣженъ весь ходъ тогдашней борьбы прусскихъ сословій съ финансовыми требованіями абсолютизма. Ни тотъ, ни другой изслѣдователи не ставили однако своей задачей (да и по самому характеру названныхъ монографій не вытекало изъ того надобности) — прослѣдить, какъ возникла и развилась въ тогдашнихъ правящихъ кругахъ мысль о такомъ радикальномъ преобразованіи, какимъ было упраздненіе прусскихъ ландтаговъ; каковыя внѣшнія обстоятельства дали толчекъ къ ея сформированію и, наконецъ, осуществленію; въ какой мѣрѣ этотъ актъ абсолютистской политики возможно связывать съ укоренявшимися въ это время новыми представленіями о правахъ монархической власти. Выясненіе этихъ вопросовъ не лишено нѣкотораго значенія, ибо проливаетъ свѣтъ на одинъ изъ крупнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи нѣмецкаго абсолютизма начала XVIII вѣка; въ частности, самый ходъ и путь этого преобразованія прусскихъ сословныхъ учреждений заслуживаютъ болѣе обстоятельнаго изображенія, чѣмъ данное въ работѣ Бергмана (стр. 182—183), хотя бы и на основаніи почти того же архивнаго матеріала, какой былъ въ распоряженіи нѣмецкаго историка.

Въ 1688 году, при вступленіи на престолъ курфюрста Фридриха III прусскіе земскіе чины еще владѣли весьма значительнымъ

¹⁾ *O. Hintze*, Staat und Gesellschaft unter dem ersten König (Historische und politische Aufsätze, I, 74): Um das zu erreichen, hatte man den Landtag ganz beseitigen müssen; es wäre wahrscheinlich nicht geschehen, wenn die Stände dem König ein willigeres Entgegenkommen gezeigt hätten.

политическими правами, уцѣлѣвшими несмотря на установленіе въ 1663 году «суверенитета» бранденбургскихъ курфюрстовъ. Речесъ 1663 года сохранялъ въ Пруссіи въ качествѣ высшаго административнаго учрежденія коллегію четырехъ оберратовъ, явившуюся издавна органомъ сословныхъ интересовъ, тѣсно связаннымъ своимъ составу и по своимъ общественнымъ и политическимъ отношеніямъ съ землевладѣльческимъ дворянскимъ классомъ; этому «правленію» (Regierung) попрежнему предоставлялось участвовать въ разрѣшеніи всѣхъ мѣстныхъ дѣлъ. На ландтагпрусское земство (Landschaft) въ лицѣ помѣстнаго дворянства германскаго патриціата попрежнему пользовалось широкой при всей опредѣленности компетенціей *in omnibus causis statum Prussiarum concernentibus*, какъ гласили жалованныя грамоты начала XVII вѣка: ему принадлежали право разрѣшенія налоговъ (Steuerungsrecht) и связанное съ налоговымъ законодательствомъ дѣло въ финансовомъ управленіи; другое исконное право—ходатайство и жалобъ (gravamina) на ландтагъ—оставалось въ рукахъ высшихъ чиновъ средствомъ законодательнаго почина и контроля надъ курфюршескими административными органами, образовавшимися въ тѣ времена въ администраціи сословной. Речесъ шелъ такъ далеко въ признаніи ступичивости предъ сословными требованіями, что даже устанавливалъ для разрѣшенія разногласій между курфюрстомъ и ландтагомъ особый третейскій судъ изъ уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ, который, впрочемъ, фактически не собиравшійся.

Въ правду, монархія въ послѣдующую четверть вѣка мало считалась съ параграфами земской «конституціи» и собственными речесами. Для разрушительная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, организующая работа шла шагъ за шагомъ нестройное зданіе сословныхъ привилегій. Земскіе органы—«правленіе» и «земская казна» (Landessteuern)—все болѣе и болѣе стѣснялись въ своей традиціонной компетенціи, правительственная опека подтачивала ихъ самостоятельность и урѣзывала ихъ компетенцію. Новый органъ монархическаго военно хозяйственнаго управленія, крѣгскомиссаріатъ постепенно сосредоточилъ въ своемъ вѣдѣніи важнѣйшія финансовыя дѣла земскихъ учреждений; *casus necessitatis*, провозглашенный ландтагомъ курфюрстомъ, дѣлалъ иллюзорной свободу сословій въ

дѣлъ опредѣленія новыхъ налоговъ: *gravamina* зачастую оставались безъ отвѣта или же получали неудовлетворительное и запоздалое разрѣшеніе, и самое примѣненіе этого права, допускавшееся тогдѣ на общихъ собраніяхъ земства (*allgemeiner Landtag*) становилось болѣе затруднительнымъ, благодаря стремленію курфюрста измѣнять общеземскіе съѣзды комиссіями, делегаціями и другими органами сословнаго представительства ¹⁾.

Въ формальномъ сохраненіи сословной «конституціи» (*Verfassung*) слѣдуетъ видѣть главную причину того оживленія деятельности и возрожденія сословныхъ притязаній въ Пруссіи, которыми отмѣчены ближайшіе годы послѣ смерти Великаго курфюрста. Созданный послѣднимъ новый порядокъ, столь близкій абсолютизму, казался чинамъ еще доступнымъ измѣненію, ибо покоился онъ лишь на правительственной практикѣ и не получилъ государственно-правового завершенія. Какъ только властная рука побѣдителя при Ферберлинѣ перестала тяготѣть надъ «вѣчными обещаніями», они тотчасъ же обнаружили стремленіе возратить себѣ утраченное положеніе и выступили съ рѣзкой критикой новыхъ монархическихъ порядковъ, причемъ, надо сказать, эта «сословная реакція» ²⁾ проявилась не только въ Пруссіи, но и въ другихъ герцогцоллернскихъ облѣстяхъ ³⁾. Заявленія прусскихъ чиновъ, представленные повому курфюрсту въ августѣ 1689 года ⁴⁾, особенно ярко отразили въ себѣ возрожденіе сословныхъ чаяній: это — истинный обвинительный актъ по адресу минувшаго царствованія, особенно его второй половины, въ теченіе которой накопилось множество

¹⁾ Подробное изображеніе сословной политики курфюрста Фридриха-Вильгельма въ Пруссіи содержится у *Hachel*, *Der Grosse Kurfürst und die ostpreussischen Stände*, Leipzig 1905. (Staats- und Sozialwissenschaftl. Forschungen herausg. von G. Schmoller, XXIV, 1).

²⁾ Такъ называется прусское сословное движеніе 1689 и слѣдующихъ годовъ *Bergmann*.

³⁾ Напримѣръ, въ Курмаркѣ (мемориалъ бранденбургскихъ чиновъ 3 мая 1688 года. Geheim. Staatsarchiv Berlin, Reposit. 20. H. H.), въ княжествѣ Минденѣ (*Vorstellungen und Bitte der Stände*, 15. Aug. 1690. R. 32. v. 69). При соисканіи рукописные матеріалы въ дальнѣйшемъ изложеніи имѣются ввиду главнымъ образомъ R. 6. V. B. R. 1—6 Берлинскаго тайнаго архива.

⁴⁾ *Gravamina und desiderata der gesambten Stände des Herzogthums Preuss.* Praes. 6. August 1689 (R. 7. 166. b. 4).

отрѣнныхъ жалобъ и вольности пришли въ великое «ума-
сравнительно съ прежними «безцѣнными временами». Главнымъ
источникомъ сословныхъ жалобъ (*urgentissima gravamina*) явились
измѣны въ строѣ мѣстнаго управленія, произведенныя курфюр-
стомъ вопреки «основнымъ законамъ этого герцогства» и въ нару-
шеніе давнихъ привилегій. «Авторитетъ» оберратовъ—жаловались
на нихъ—подорванъ курфюршеской политикой до такой степени, что
имъ не осталось «тѣни прежнихъ достоинства и власти»; намѣст-
ники знатныхъ лицъ непрусскаго происхожденія всячески ума-
ливали свою компетенцію, рѣшая по собственному усмотрѣнію поды-
маемыя оберратамъ дѣла; сословія просили курфюрста не назна-
чать на будущее время дорого стоящихъ странъ намѣстниковъ, ибо
представлять его «высокою персону» возложено еще герцог-
скими указами на оберратовъ. Не мѣньше вражды вызываетъ въ
сословіяхъ другой органъ монархіи—кригскомиссаріатъ, первона-
чально учрежденный въ Пруссіи для завѣдыванія военно-интен-
сифицированной частью, а съ конца 70-хъ годовъ получившій участіе въ
гражданской администраціи, послѣ того какъ ему стали поручать
въ военное время принудительное взиманіе денежныхъ сбо-
ровъ: получившихъ утвержденія ландтаговъ и предназначавшихся
на поддержаніе регулярнаго войска. Переустроенный въ концѣ
80-хъ годовъ на коллегіальныхъ началахъ комиссаріатъ сдѣлался
членомъ военной палаты (*Kriegskammer*) постояннымъ орга-
номъ военно-хозяйственнаго управленія, независимымъ отъ оберра-
товъ, получавшимъ распоряженія непосредственно отъ курфюрста
и Тайнаго совѣта, и началъ вытѣснять или подчинять своей
власти сословныя финансовыя учрежденія, функціи которыхъ посте-
пенно переходятъ въ руки правительственныхъ сборщиковъ, руко-
водящихъ военной палатой. Суровые приемы взиманія казенныхъ
денегъ, въ которое палата вносила свойственныя ей по самому ея
назначенію черты воинской исполнительности и дисциплины, сдѣлали
ее предметомъ недовѣрія въ глазахъ земскаго населенія олицетвореніемъ без-
огляднаго фискализма, символомъ безконтрольной и неограниченной
власти водворившейся въ странѣ¹⁾. *Gravamina* сводили воедино
жалобы, раздававшіяся по адресу этого учрежденія, созданнаго

wider alle Verfassungen, незнакомаго съ мѣстнымъ правомъ и чаями и не считающагося съ вольностями земли. Комиссаріатъ, муются сословія, присвоилъ себѣ «неподобающій авторитетъ», споряжаясь наравнѣ съ оберратами, рассылая указы по городамъ и уѣздамъ, давая предписанія самимъ земскимъ чинамъ; къ докъ взысканія податей внесень имъ произволь «подъ ложной наблюденія высокаго курфюршескаго интереса», земскіе сборщики встрѣчаютъ помѣхи при исполненіи своихъ обязанностей и являются другими, дорого обходящимися населенію и бесполезными агентами. Въ частности, такъ наз. «малые города» (kleine Städte) жаловались на то, что комиссаріатъ наложилъ свою руку на ихъ скудные финансы, облагаетъ ихъ незаконными поборами, вводитъ несущестующія недоимки. Просьбой объ упраздненіи этого несправедливаго для всѣхъ сословій учрежденія и назначенія слѣдствія надъ всей его дѣятельностью и заканчиваются Gravamina 1689 года.

Gravamina эти съ ихъ требованіями объ отмѣнѣ важнѣйшихъ административныхъ преобразованій Великаго курфюрста наглядно свидѣтельствовали о томъ, какъ мало, въ сущности, измѣнились политическія стремленія сословій въ теченіе всего XVII вѣка, какъ медленно и неохотно они свыкались съ новымъ строемъ общественныхъ и государственныхъ отношеній, который приносилъ съ собою упрочивавшійся абсолютизмъ. *Bergmann* въ названномъ изслѣдованіи показалъ, насколько и въ другихъ вопросахъ, на примѣрѣ въ вопросѣ о правѣ обложенія, сословія остались вѣрными воззрѣніямъ территоріальной эпохи. Налоги все еще не сдѣлались для нихъ институтомъ публичнаго права и не приобрѣли въ ихъ глазахъ характера государственной повинности. Вотированіе новыхъ субсидій правительству попрежнему разсматривается ими какъ право, принимаемое по усмотрѣнію чиновъ, обставляется различными ограничительными условіями относительно вида (modus) и размѣровъ (quantum) налога, длительности его и цѣлей самаго ассигнованія¹⁾. Поведеніе ландтага 1692 года производило на курфюршескаго уполномоченнаго такое впечатлѣніе, что сословія склонны смотрѣть на себя и на монарха какъ на двѣ равнозначущихъ силы, а на вотированіе налоговъ какъ добровольный съ ихъ стороны актъ, вызванный

¹⁾ *Bergmann*, 125—126.

«обстоятельством» послѣдняго¹⁾; ландтагъ 1696 года считалъ себя вправѣ вѣнчать по своему усмотрѣнію ту или другую сумму сборовъ, такъ она была ниже предъявленнаго требованія²⁾. Не исчезли сословія и слѣды того провинціального сепаратизма, которымъ такъ усердно боролся покойный курфюрстъ, говоря, что всѣ области его государства суть membra unius carpitis, соединенныя единствомъ власти и необходимостью взаимной поддержки. Но и эти же еще въ 1699 году прусскіе чины³⁾ въ отвѣтъ на предложеніе усиленныхъ ассигнованій, въ виду опасностей, угрожающихъ Имперіи, что Пруссія находится внѣ имперской территоріи заинтересована лишь въ оборонѣ собственныхъ границъ!

И эти притязанія земскихъ чиновъ не встрѣчали, понятно, сочувствія въ курфюрствѣ, смотрѣвшемъ, подобно Фридриху Вильгельму, на подвластныя области, какъ «члены единого тѣла» (Glieder des Leibes), на которыхъ лежитъ обязанность взаимной помощи и общаго сохраненія⁴⁾, и еще менѣе сочувствія вызывало оно, равно какъ и въ его совѣтникахъ, прошедшихъ большей частью школу Великаго курфюрста, стремленіе сословій отстаивать неприкосновенность своихъ старинныхъ правъ въ сферѣ управленія провинціальнаго законодательства. Да и вся политическая обстановка Европы XVII вѣка была, какъ извѣстно, крайне неблагопріятна для осуществленія подобныхъ стремленій: то было время, когда абсолютизмъ торжествовалъ почти повсюду на Западѣ окончательную побѣду надъ областными и сословными вольностями, и въ политическіе упрочиались взгляды, оправдывавшіе и санкціони-

1) 2. v. Fuchs an die Geheime Räte, 7. Juli 1692: da es gleichsam geschehen, als wenn man al pari mit dem Landesherrn tractiren und dasjenige, so man willigt, als praecarie und bittweise schenken (R. 6. B. B. B. 3).

2) Instanz der gesambten Stände, 30. Jan. 1696; die erforderte Willigung unzureichend zurichten (R. 6. B. B. B. 5). Слабое проявленіе зарождающагося публично-правового возрѣнія на значеніе и цѣли обложенія видно въ Vereinigte Bedenken der Stände, 16. Febr. 1698 (ibidem). Ср. *Bergmann*, 124 и 128.

3) Vereinigtes Bedenken der gesambten Stände, 19. Febr. 1699 (R. 6. B. B. B. 5). 4) Leskript an die pr. Regierung, 24. Okt. 1697 (R. 6. B. B. B. 5). Ср. Cautzlers Vortrag an die Stände in fine 1697 (ibid.). Политическія возрѣнія курфюрста Фридриха III (I) вообще не могутъ быть выяснены въ полной мѣрѣ изъ сохранившихся его «политическихъ завѣщаній», хранящихся въ Гогенцоллернскомъ архивѣ; изданіе это готовится. Ср. *G. Kuntzel und M. Hass*, Die Testamente der Hohenzollern, I, p. IV.

ровавшие этотъ переворотъ: ученіе о первенствѣ права монархическаго предъ правомъ частныхъ корпорацій, къ которымъ тогда причисляли земскіе чины, объ *initium vitiosum* сословныхъ вольностей, правѣ государства ихъ пересматривать и упразднить въ интересахъ государственной пользы и «общаго блага». Фридрихъ III и его совѣтники несомнѣнно стояли подѣ влияніемъ этихъ ходячихъ въ свое время, что видно лучше всего изъ ихъ отношеній къ привилегіямъ прусскихъ сословій. Не договоръ, облызывающій монархію, а лишь его курфюршеская милость—заявляетъ Фридрихъ III одной изъ резолюцій начала царствованія¹⁾—является опорой правъ, «во многихъ отношеніяхъ сомнительныхъ и подверженныхъ разповиднымъ толкованіямъ»; многія изъ нихъ, по мнѣнію членовъ Тайнаго совѣта, уже не соотвѣтствуютъ измѣнившимся условіямъ государственнаго быта (*post mutationem status publici*), утратили и непримѣнимы²⁾. При такомъ взглядѣ на юридическое значеніе привилегій «подтвержденіе» послѣднихъ при Фридрихѣ III сплошь и рядомъ приводитъ къ пересмотру ихъ основаній и отменяетъ—въ цѣломъ или въ части—такихъ договоренныхъ вольностей, которыя не отвѣчаютъ новому пониманію задачъ государственной власти или международному положенію курфюршеской державы. Пруссіе чины даже не получили обычной клятвенной «ассекुरации» своихъ «основныхъ законовъ» при принесеніи ими присяги вѣданства въ 1690 году и должны были удовольствоваться простымъ письменнымъ обѣщаніемъ курфюрста «беречь земскія вольности и обычаи»,—новый шагъ къ освобожденію монархіи отъ стѣснительнаго вліянія сословныхъ силъ.

Ни одно изъ политическихъ правъ сословій не стояло въ такомъ рѣзкомъ противорѣчій со всѣмъ укладомъ и тенденціями бюрократическаго государства, какъ право разрѣшать налоги. Нигдѣ противоположность взглядовъ курфюрста и чиновъ не достигала такой остроты и непримиримости, какъ въ вопросѣ объ обложеніи и о правахъ, принадлежащихъ въ этомъ отношеніи обѣимъ сторонамъ. Монархія нуждалась въ регулярномъ, правильномъ по-

¹⁾ Kurfürstliche Resolution, 26. Febr. 1691 (R. 6. B. B. 2).

²⁾ Grumbkows Bedenken über das 8-te gravamen der pr. Stände (1690). Unterthan. Gutachten von Meinders, 4. März 1690 (R. 7. 166. b. 4).

и своихъ доходовъ, въ непрерывномъ дѣйствіи финансово-
вой системы, на которой зиждились ея основы — *miles perpetuus*
сама внутренняго управленія, и право ландтаговъ рѣшать въ
важнѣйшемъ вопросѣ государственнаго бытія стояло предъ
вѣчной угрозой, способное при случаѣ затормозить работу
государственного механизма и помѣшать достиженію государ-
ственныхъ задачъ. Отсюда постоянное стремленіе и Великаго кур-
фюрка и Фридриха III положить конецъ финансовой супрематіи
ландтаговъ, превратить это право (*jus*) въ повинность
(*necessitas*), оставивъ за ними самое большее — право устанавливать ха-
рактеръ новаго налога, а не рѣшать относительно необходимости
его введенія, о такъ называемомъ *casus necessitatis*.
Повинность чиновъ», гласила пропозиція ландтагу 1692 года:
«имѣть по мѣрѣ силъ содѣйствіе поставленной надъ ними власти»,
въ служеніи монарху и заключается ихъ «наибольшая
обязанность»¹⁾; предъ «государственной необходимостью» (*allgemeine
nützliche Necessität*) должно, такимъ образомъ, склониться право
свободнаго и добровольнаго самообложенія сословій, пережитокъ
феодальнаго духа и натурально-хозяйственнаго быта. Новыя условія
государственныхъ и хозяйственныхъ отношеній требовали устано-
вленія постоянныхъ налоговъ или, по крайней мѣрѣ, вотированій
на опредѣленные сроки при точномъ опредѣленіи общей суммы
заплачиваемыхъ сборовъ (*gewisses quantum*), словомъ, въ устраненіи
элемента случайности и произвола, какой вносило въ госу-
дарственный бюджетъ ничѣмъ неограниченное право сословій.

Въ 1691 году курфюрстъ приказывалъ не роспускать
ландтага до тѣхъ поръ, пока не будетъ имъ разрѣшена точно уста-
новленная сумма «контрибуціи» и притомъ не ниже ассигнованія
на будущаго года; въ 1692 году онъ извѣщалъ оберратовъ о своемъ
рѣшеніи не принимать на будущее время вотированій, лишенныхъ
предварительнаго опредѣленія общей суммы (*als die in einem gewissen quanto
bestimmt*)²⁾. Наряду съ этимъ идетъ довольно быстрое повышеніе

¹⁾ Kurf. Proposition, 28. Apr. 1692 (R. 6. B. B. B. 3).

²⁾ Resolution auf der Stände gravamina, 7. Juli 1691. — Reskript an die pr. Re-
gierung, 12. Sept. 1692 (R. 6. B. B. B. 3).

общей суммы прусских сборовъ, мотивируемое виѣшними обстоя-
ніями и смягчаемое заявленіями курфюрста, что то же приходится
дѣлать «во всѣхъ его нѣмецкихъ областяхъ» ¹⁾. Сословія упорно
отказывали въ удовлетвореніи всѣхъ этихъ требованій. Они предпо-
читали предоставлять въ распоряженіе курфюрста налоги долевыя,
притомъ на короткіе, не свыше года, сроки, разнообразныя по спо-
собу раскладки и по объектамъ обложенія. Такъ, въ 1690 году ланд-
тагъ вотиrowалъ субсидіи на одинъ годъ, причемъ не бралъ на себя
отвѣтственности относительно поступленія полной ихъ суммы или
покрытія недобора; *sine denominatione quantі* вотируются въ слѣдую-
щемъ году сборы поголовный и питейный, причемъ опять-таки со-
словія не соглашались «ни въ коемъ случаѣ» связывать себя какою-
либо обѣщаніемъ относительно *quantum'a* (*zu etwas gewisses*), если
не будутъ выполнены поставленныя ими условія. Столь же мало-
успѣшны были обыкновенно настоянія курфюрста (съ 1692 года)
о продленіи ассигнованій на двухгодичныя (*biennium*) или даже
трехгодичныя (*triennium*) періоды, по крайней мѣрѣ, до 1702 года,
когда сословія впервые согласились разрѣшить взиманіе налоговъ
впередъ на два года, однако при условіи, что это разрѣшеніе утратить
силу по истеченіи условленнаго срока *ipso jure et facto* и что оно
не можетъ служить прецедентомъ въ смыслѣ умаленія сослов-
наго права ²⁾. Излишне говорить, что всякое повышеніе податной
оклада встрѣчало упорное, почти неодолимое сопротивленіе ланд-
таговъ. Государственное хозяйство въ Пруссіи обречено было, та-
кимъ образомъ, опираться на неустойчивую сословную систему обо-
ложенія, столь мало соотвѣтствовавшую разросшимся и усложнившимся
нуждамъ новой государственности. Вѣчныя колебанія размѣровъ
ассигнованій, недоборъ вотиrowанныхъ суммъ, неисправное доставле-
ніе сборовъ земскими финансовыми учрежденіями были обычными
отличительными чертами этой системы. Вдобавокъ, на свои ассигно-
ванія ландтаги соглашались лишь послѣ долгихъ колебаній и споровъ,
пользуясь каждымъ случаемъ для предъявленія своихъ ходатайствъ.

¹⁾ Reskript an die pr. Regierung, 4. Jan. 1690 (R. 6. B. B. B. 1). — Karf. Pro-
position, 28. Apr. 1692 и 8. Juni 1694 (R. 6. B. B. B. 4).

²⁾ Bedenken der Stände, 3. März 1690 (R. 7. n° 166. b. 4). — Vereinigtes Beden-
ken, 26. Juni 1691 (R. 6. B. B. B. 2). — Bericht v. Kreytzens, 23. Jan. 1702 (R. 6.
B. B. B. 6).

«стапныя жалобы и противорѣчія», «всяческія несвоевременныя отлаганія, уловки и пререканія» — такъ характеризуютъ документы о поведеніи прусскихъ ландтаговъ въ 90-хъ годахъ ¹⁾; быстрое удовлетвореніе правительственныхъ требованій въ одномъ случаѣ отмѣчено какъ необычное явленіе ²⁾; правиломъ оставался затяжной характеръ сословныхъ совѣщаній, медлительныхъ и запаздывающихъ постановленійхъ (*lang verzögerte Willigungen!*), что не могло не отражаться на успѣшности военно-политическихъ предпріятій монархіи, для которой Пруссія являлась, какъ и при Великомъ курфюрствѣ, однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ ея финансовыхъ ресурсовъ.

Такое поведеніе прусскихъ чиновъ, ихъ постоянное противоявленіе требованіямъ «общаго отечества» и стремленіямъ монархическимъ болѣе должно было раздражать правящіе круги въ Берлинѣ и казаться имъ тѣмъ болѣе недопустимымъ, что оно имѣлось въ концѣ XVII вѣка единственнымъ примѣромъ сословной оппозиціи на всемъ пространствѣ курфюршеской державы. Только въ областяхъ сословія были приведены къ покорности, а всемірные ростки провинціальной автономіи придавлены. Ландтаги и органы территоріальной обособленности и политической самостоятельности сословій, во многихъ областяхъ уже не существовали. Въ Магдебургскомъ герцогствѣ они давно (съ 1678 года) заменены «управами» которые собираются на свои засѣданія граефлихъ (Landtagung ³⁾); въ самой Курмаркѣ общеземскихъ съѣздовъ не было съ 1653 года и, несмотря на обѣщаніе курфюрста, данное въ отвѣтъ на ходатайства бранденбургскихъ чиновъ въ 1688 году, ландтагъ, какъ только позволятъ «многообразныя и весьма многочисленныя дѣла его правленія» ⁴⁾, дѣло ограничивается совѣщаніемъ правительства съ отдѣльными выборными «старшихъ городовъ или дворянскихъ обществъ различныхъ *Landschaften*, и по имени бранденбургское земство едва осмѣливается напоминать о

¹⁾ Unmassgebliches Bedenken etc., 1697 oder 1698 (R. 6. B. B. 5).—Landtagssession 8. Juni 1694 (R. 6. B. B. 4).

²⁾ Relation der pr. Regierung, 20. Jan. 1698: dieses Mahl in der Willigung prompt erwiesen (R. 6. B. B. 5).

³⁾ Acta Borussica, VI, 1, p. 416—417.

⁴⁾ Kurfürstl. Resolution auf der Stände Memoriale, 31. Mai 1688 (R. 20. H. H.).

неисполненныхъ статьяxъ ренесса 1653 года и просить объ удовлетвореніи своихъ нуждъ «единственно изъ милости», не помня о томъ, чтобы поставить какое-либо ограниченіе (Ziel und Maß setzen) курфюршеской волѣ¹⁾. Но и тамъ, гдѣ сословныя учреденія еще уцѣлѣли, ихъ дѣятельность ничуть не умаляетъ полномочій монархическаго всемогущества. Въ Минденѣ и Гальберштадтѣ функционируютъ ландтаги съ малочисленнымъ и неполнымъ представительствомъ, похожіе на земскія управы; въ Помераніи ходатайствы чиновъ о ландтагѣ удовлетворяются съ такими оговорками (относительно срока ихъ дѣятельности и числа участниковъ), что они уничтожаютъ всякое значеніе курфюршеской уступки²⁾. Во всѣхъ этихъ провинціяхъ успѣла уже установиться система постоянныхъ налоговъ, упразднившая фактически «право вотированія» ландтаговъ, и на долю послѣднихъ осталось лишь опредѣленіе вида испрашиваемаго налога и установленіе порядка его взиманія, поскольку финансовая администрація еще остается въ рукахъ сословій. Въ прирейнскихъ областяхъ (герц. Клеве и гр. Маркъ) земская дѣятельность въ концѣ XVII вѣка носитъ еще довольно оживленный характеръ, но и здѣсь сосредоточивается преимущественно на второстепенныхъ хозяйственныхъ и дѣловыхъ вопросахъ мѣстной жизни; финансовыя требованія правительства не встрѣчаютъ возраженій на ландтагахъ, регулярно созываемыхъ въ теченіе всего этого времени. Зимній ландтагъ 1691 года можетъ служить нагляднымъ образцомъ той «доброй гармоніи», какая здѣсь установилась между монархіей и земствомъ, когда то встрѣтившимъ упорнымъ сопротивленіемъ волею власти курфюрстовъ: сословія вотируютъ теперь Фридриху III «охотно и безпрекословно» значительныя суммы, испрашивающіяся въ пропозиціи, «чего за много лѣтъ, чаятельно, доселѣ не бывало», какъ писалъ по этому поводу изъ Клеве самъ курфюрстъ своему Тайному совѣту. Онъ считалъ полезнымъ довести до свѣдѣнія прусскихъ сословій объ этомъ успѣхѣ и о такой готовности ихъ соборній Рейнъ идти на встрѣчу интересамъ общаго государства; «добрымъ примѣръ» клевскаго ландтага, надѣялся курфюрстъ, повліяетъ и

1) Bitte der Deputirten von Praelaten etc., 10. Nov. 1696 (R. 20. H. H.).

2) Reskript an die hinterpomm. Regierung, 16 Febr. 1689.—Bericht der hinterpomm. Regierung, 25. Febr. 1689 (R. 30. n. 231).

земство въ смыслѣ отказа отъ всегдашней его строител-
ной и неуступчивости въ дѣлѣ установленія налоговъ¹⁾.
Необходимо при этомъ замѣтить, что борьба между монархіей
и дворянскими чинами въ концѣ XVII в. происходила въ обстановкѣ,
сильно измѣнившейся сравнительно съ временами Великаго кур-
фюрста. Фридриху III уже не приходилось имѣть противъ себя
огромныхъ силъ землевладѣльческаго класса и городовъ съ Кениг-
сбергомъ во главѣ, съ тѣхъ поръ какъ его предшественнику удалось
сдѣлать (въ 1680 году) такъ наз. *separatio*, отдѣленіе Кенигсберга
податномъ отношеніи отъ остальныхъ участниковъ ландтага.
Система «акциза», особой городской системы сборовъ, основанной
на обложеніи предметовъ потребленія, въ то время какъ сельскіе
дворяне продолжали платить поземельную подать («контрибуція»)
ослабляла непримиримую вражду между вліятельнѣйшимъ бюргерствомъ
и дворянствомъ, такъ какъ послѣднее не безъ вѣско-
ваго основанія видѣло въ этомъ *separatus modus contribuendi*
стѣнокъ податного переобремененія (*Praegravation*) для себя и зави-
сѣ отъ него крестьянъ и средство эксплуатаціи со стороны
Кенигсберга. Какъ политическая мѣра, «отдѣленіе» было, такимъ
образомъ, чрезвычайно выгодно для монархій: оно разстраивало
союзъ оппозиціи, опиравшееся до тѣхъ поръ на общій интересъ
дворянъ въ обложеніи и затемняло политическую сторону борьбы
монархій, выдвигая на каждомъ шагѣ острую внутреннюю про-
тивоположность экономическихъ интересовъ. При полномъ политическомъ
разрывѣ «малыхъ городовъ» и безучастіи къ земскому дѣлу Кениг-
сберга, получившаго выгодное для него и обособленное положеніе
въ отношеніи налоговъ, единственнымъ противникомъ монархій на ланд-
тагахъ этого времени осталось, въ сущности, дворянство: борьба,
которую монархія вела съ чинами въ концѣ XVII в., была такъ обр.
преимущественно борьбой съ «первенствующимъ сословіемъ» (*Oberstände*),
а потому тому какъ и преобразованія во внутреннемъ устройствѣ
государства въ началѣ XVIII в. были направлены прежде всего къ
ослабленію политическаго значенія дворянъ-землевладѣльцевъ.

¹⁾ Kurfürst an den Statthalter und Geheime Räte zu Berlin, 21. Jan. 1691
(R. 13. B. B. 1). — Kurfürst an den Fürsten von Anhalt und Paul von Fuchs, 29. Jan.
1691. — *„Nehmen das gute Exempel derer Clevischen zu Gemüthe zu führen und dieselbe
zu guter Nachfolge aufzumuntern“* (R. 6. B. B. 1).

Впродовженіе пераго десятилѣтія правленія Фридриха II оппозиція прусскихъ сословій, вѣрнѣе, прусскаго дворянства, въ просахъ обложенія не вызывала рѣшительныхъ мѣропріятій со стороны правительства. Энергичная сословная политика въ духѣ великаго курфюрста не соотвѣтствовала настроенію его преемника, который выражалъ желаніе придерживаться въ отношеніи сословій «отеческаго» образа правленія и въ своемъ политическомъ завѣщаніи 1698 года совѣтовалъ сыну проявлять въ обращеніи съ послѣдними такую же умѣренность и мягкость (*Gelindigkeit*), не допуская, однако, чрезмѣрнаго усиленія ихъ политическаго значенія ¹⁾. Взгляды курфюрста раздѣлялись и самымъ вліятельнымъ государственнымъ дѣтелемъ этого времени Эбергардомъ ф.-Данкельманомъ, ставившимъ себя въ заслугу послѣ своего паденія (въ 1697 г.) уваженіе сословнымъ привилегіямъ въ теченіе своей правительственной дѣятельности ²⁾, и въ Тайномъ совѣтѣ 90-хъ годовъ также преобладаю стремленіе улаживать столкновенія съ ландтагами, по возможности миролюбиво, избѣгая рѣзкостей (*harte Termini*) и угрозъ по адресу послѣднихъ ³⁾.

Вопросъ объ установленіи извѣстнаго *modus vivendi* между монархіей и земствомъ занималъ въ 90-хъ годахъ не только правительственные круги. Въ рядахъ прусскаго дворянства было немало лицъ — и при томъ весьма вліятельныхъ членовъ сословія — которые вовсе не занимали по отношенію къ монархіи и ея требованіямъ непримиримой позиціи «патріотовъ», рьяныхъ поборниковъ былаго сословнаго строя. Эти благонамѣренные (*wohlgesinnte*) мирились съ утратой дворянствомъ политическаго значенія и находили наиболѣе благоразумнымъ заключить съ монархіей выгоды для обѣихъ сторонъ соглашеніе. Многіе изъ нихъ охотно шли на службу абсолютнаго государства, не порывая, однако, связи съ мѣстными интересами и земскою дѣятельностью. Изъ ихъ рядовъ выходятъ въ XVII в. представители мѣстной администраціи — «уѣздные начальники» (*Amtshauptleute*), служившіе исполнителями

¹⁾ *L. v. Ranke*, Zwölf Bücher preussischer Geschichte. Sämmtl. Werke XXV, XXVI, 481.

²⁾ *Isaacsohn*, Geschichte des preussischen Beamtenthums, II, 272.

³⁾ *Erinnerungen des Geheimen Rats zur kurfürstl. Resolution*, 13. Sept. 1834 R. 6. B. B. B. 4).

органомъ центральной власти, и въ то же время право участвовать первой (дворянской) куріи ландтага, въ коллегіи ландратовъ (собственно: Herren und Landräte), предоставлявшееся этимъ высшимъ начальникамъ, ставило ихъ въ тѣсное соприкосновеніе съ нуждами и стремленіями земскаго общества, къ которому они сами принадлежали, побуждало ихъ отстаивать сословные интересы, такъ сталкивавшіеся съ «интересомъ» государственнымъ. Въ двойномъ обликѣ этихъ земцевъ-чиновниковъ сословное, земское начало въ Великаго курфюрста все болѣе и болѣе подавлялось государственнымъ, послушнымъ представителемъ котораго онъ являлся, за немногими исключеніями, ландратъ конца XVII и начала XVIII вѣка. Соображенія личной карьеры, выгодныя условія военной и придворной службы, благоволеніе «двора» — все это въ различной степени опредѣляетъ и накладываетъ свою печать на поведеніе ландратовъ въ моменты рѣзкихъ столкновеній монархіи и дворянства въ Пруссіи, чѣмъ сила мѣстныхъ связей и узы корпоративной солидарности. Неудивительно, что въ спорѣ, разгорѣвшемся въ 1690-хъ годахъ изъ-за налоговъ въ Пруссіи, нѣкоторые члены этого высшаго слоя дворянства были на сторонѣ монархіи, выступали въ дворянскими записками, «меморіями», «проектами», въ которыхъ разоблачали слабыя стороны сословнаго устройства, доступнаго нападенію со стороны абсолютизма. Такія записки представляли наиболѣе вліятельнымъ лицамъ въ правительствѣ — Эбергарду фонъ-Шельману (до 1697 года), а затѣмъ ставшему на его мѣсто «министру» — графу Кольбе ф.-Вартенбергу, генераль-фельдмаршалу фонъ-Фуксу и Паулю ф.-Фуксу. Записки эти обыкновенно содержатъ разсужденія политическихъ софизмовъ, какимъ путемъ правительство могло бы положить конецъ «чрезмѣрнымъ и неосновательнымъ притязаніямъ прусскихъ сословій» и, не прибѣгая къ прямому нарушенію сословныхъ правъ, добиться удовлетворенія своихъ неотложныхъ финансовыхъ требованій. Таковъ, напр., мемуаръ, находящійся среди бумагъ П. ф.-Фукса и отнесенный *Spahn*’омъ къ 1690 году ¹⁾. Непосредственный составитель его принадлежалъ, по предположенію

¹⁾ *Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg*, XVI, 1052—1061 (Gutachten eines Preussen).

O. Hintze ¹⁾ къ знатному роду *Dohna*, принявшему кальвинизм и утратившему вслѣдствіе этого влияние въ странѣ, гдѣ приважность къ лютеранству была условіемъ для политической дѣятельности. Съ явнымъ раздраженіемъ и, видимо, сгущая краски, говоритъ авторъ о дворянскомъ засильи въ странѣ, благодаря которому *ordo civicus* оттѣсненъ на второй планъ, а въ рукахъ дворянства оказались двѣ куріи ландтага, и должности въ высшей администраціи превратились въ наследственное достояніе двухъ-трехъ вліятельныхъ семействъ; въ такомъ преобладаніи землевладѣльческаго класса усматриваетъ онъ серьезную опасность для монархіи, ибо дворянство проникнуто такимъ же оппозиціоннымъ духомъ, какъ и во времена Великаго курфюрста, о чемъ свидѣлствуютъ недавнія его *gravamina*, почти не отличающіяся отъ дворянскихъ заявленій шестидесяти годовъ: все тѣ же отжившіе притязанія, которымъ нѣтъ мѣста съ установленіемъ въ странѣ «суверенитета» бранденбургскихъ курфюрстовъ, и тѣ же неосновательныя жалобы на «погрязненіе авторитета» оберратовъ, которые никогда и не обладали такою всеобъемлющею компетенціей, какая имъ приписывается дворянствомъ. Дворянскій ландтагъ въ союзѣ съ оберратами стремится ограничить суверенныя права курфюрста—таковъ смыслъ предложеній автора записки. Но всѣмъ своимъ взглядамъ онъ привмываетъ къ той немногочисленной части прусскаго общества, которая склонялась была примириться съ новымъ порядкомъ вещей, шла на искренній отказъ отъ крайностей олигархическаго строя; его идеаль—въ мирномъ сотрудничествѣ монархіи и земскихъ учреждений: полноправные элементы населенія должны сохранить по старинѣ свои *jura*, обезпеченныя «основными законами» страны и, въ ихъ числѣ, право созволенія налоговъ ²⁾, а безпартійная курфюршеская власть обезпечить мирное процвѣтаніе страны, положить конецъ господству олигархическаго кружка (*Oliquen herrschaft*), расхищающаго земскія средства, призвать къ управленію «истинныхъ» патриотовъ (*rechtschaffene* управ-

¹⁾ *O. Hintze*, Die Hohenzollern und der Adel (Hist. Zeitschr. 1914, В. 12, Heft 3, p. 503). Нѣкоторыя мѣста этой записки говорятъ, впрочемъ, въ пользу герскаго происхожденія автора (такъ *Rachel*, 97); въ такомъ случаѣ, онъ обнаруживаетъ высокое политическое безпристрастіе, выступая, напр., противникомъ фискально-податнаго «отдѣленія» городовъ, невыгоднаго для дворянства.

²⁾ *Urk. und. Act. XVI*, 1059.

Patrioten). Необходимо установить новую систему государственных отношений (*formulam regiminis*), болѣе соответствующую идеямъ монархіи, принявъ за основаніе извѣстный когда-то изданный сословіями проектъ 1661 года, такъ наз. *Novum Instrumentum regiminis*.¹⁾ Великаго курфюрста, переработанный въ соответствии измѣнившимися политическими условіями: курфюршеская палата должна энергично (*summa cum auctoritate*) поддерживать эту систему, рѣшительно вторгаться въ дѣятельность ландтаговъ, при этомъ примѣняя свое право самостоятельнаго выбора между различными постановленіями курій (такъ наз. *jus complanandi*). Курфюрстъ долженъ высоко поднимать «авторитетъ» монархіи, упрочить идею государственности въ Пруссіи, «у которой нѣтъ большаго грѣха, какъ своекорыстіе и господство частныхъ интересовъ»²⁾.

Въ концѣ 90-хъ годовъ относится другая политическая записка, посвященная тому же вопросу — борьбѣ монархіи съ дворянствомъ въ Пруссіи и принадлежащая перу неизвѣстнаго по имени автора, въ которомъ *Bergmann* видитъ Мельхіора ф.-Теттау³⁾: «желательныя соображенія» о томъ, какими мѣрами возможно положить сопротивленіе ландтаговъ и превратить его — *unvermerkt*, незаметно — въ полное подчиненіе правительственнымъ требованіямъ. Теттау указываетъ, что при настоящемъ устройствѣ ландтаговъ въ Пруссіи исходъ голосованій зависитъ почти исключительно отъ первой куріи — ландратовъ; дворянство, составляющее вторую курію никогда не рѣшится разойтись въ своихъ *vota* съ ландратами, чтобы не подорвать и безъ того шаткаго «единства» всѣхъ ландтаговъ *Oberstände*. Для достиженія цѣлей «двора» достаточно имѣть своею вліянію (*an die Hand haben*) коллегію ландра-

¹⁾ См. о немъ *Urk. u. Act. XV*, 646. Сословія отказывались признавать за нимъ такое значеніе и въслѣдствіи, при ссылкахъ правительства на этотъ актъ. *Verordn. d. Sämptl. Stände*, 29. Apr. 1690 (R. 7. n° 166. b. 4).

²⁾ *Urk. und Act. XVI*, 1061.

³⁾ *Bergmann*, 28. У него же обзоръ содержанія этой записки (р. 27—28), дополненный здѣсь нѣкоторыми подробностями. Полный заголовокъ документа, напечатаннаго въ R. 6. B. B. 5, слѣдующій: *Unmassgebliches Bedenken, wie S. Ch. Friedrich Augustus, unser gnädigster Herr, denen langwierigen preussischen Landtags- und beschwerlichen Contradictionen mit der Zeit abhelfen und die Stände zu Gehorsamkeit bringen können. Nachgedacht von H. F. v. Tettau, 1697*.

товъ и потому слѣдуетъ обратить особое вниманіе на подборъ членовъ: до сихъ поръ въ этомъ дѣлѣ, при назначеніи правительствомъ ландратовъ и предоставленіи связанныхъ съ этимъ административныхъ должностей, не соблюдалось вадлежащей «рожности»: должности поручались людямъ молодымъ, съ академическимъ образованіемъ, склоннымъ къ теоретическимъ спорамъ и пререканіямъ (*pruritus vel impetus scribendi*, язвительно отицаетъ авторъ); едва укрѣпившись на своихъ мѣстахъ, всѣ они забываютъ, кому они обязаны своими бенефіціями и должностями и начинаютъ выступать въ «воображаемой» роли борцовъ за интересы своего «отечества», дѣйствуютъ наперекоръ двору, выплачивая «двѣтами красворѣчія» необходимые правительству оклады (*quantum*). Необходимо производить болѣе тщательный отборъ кандидатовъ на эти должности, причемъ не слѣдуетъ основываться на отзывахъ оберратовъ, далеко не свободныхъ отъ сословныхъ симпатій ¹⁾; о каждомъ кандидатѣ слѣдуетъ собирать точныя свѣдѣнія (*geheime und sichere Kundschaft*), характеризующія его отношеніе къ двору: наиболѣе пригодны лица, не обладающія особеннымъ образованіемъ, лучше всего военные (*Soldaten, preussische Cavalieren*), которые отличаются и болѣе открытымъ характеромъ, и болшею склонностью къ повиновенію, выработанными привычками воинской дисциплины, а, главное, знаютъ по опыту, что важно для арміи своевременное поступленіе государственныхъ доходовъ. Прусскіе уроженцы, состоящіе на курфюршеской военной придворной службѣ, а также «иностранцы» (уроженцы другихъ курфюршескихъ областей), получившіе прусское «право туземности» (*j. indigenatus*), другими словами, люди, оторванные происхожденіемъ или карьерой отъ мѣстныхъ вліяній, привыкшіе служить общегосударственнымъ интересамъ, таковы, по мнѣнію Теттау, наиболѣе подходящій матеріалъ, изъ котораго вербуются преданные правительству ландраты. Ихъ покорность можно къ тому же обезпечить постоянной матеріальной зависимостью отъ двора, давая имъ бенефіціи не пожизненное владѣніе, а лишь — *revocabilia ad nutum*. Теттау называетъ еще одно средство воздѣйствія на неговорчивые прусскіе ландра-

¹⁰⁾ Weil leicht zu erachten, dass die Regierung zu keinen Zeiten zu präserviren suchen werde, dass nicht die besten Patrioten in den Landrat kommen sollen.

въ ландратской коллегіи въ качествѣ предсѣдателя, а также
 и представителя сословія при ихъ сношеніяхъ съ правительственной
 властью стоялъ такъ наз. Landratsdirector, назначавшійся самымъ
 высокимъ. Директоръ, по Теттау, и долженъ былъ служить
 орудіемъ правительственнаго вліянія, которому онъ самъ всегда
 подчиненъ по самому характеру своихъ обязанностей, въ со-
 бую среду. Преданный и надежный предсѣдатель, назначенный
 такъ послѣ ознакомленія съ его политическими взглядами
 (gegen den Hof gesinnet), сумѣетъ и ландратами руководить,
 какъ показываютъ прежніе примѣры, держать въ рукахъ и вести
 остальное дворянство. А горсть самостоятельныхъ, не под-
 дающихся такому руководству членовъ сословія «петрудно умиро-
 миръ и другимъ способомъ» — намекъ на хорошо извѣстную
 извѣстность дворянскихъ депутатовъ на знаки милости со стороны
 императорскаго воздѣйствіе — отъ дружеской бесѣды съ курфюршескимъ
 высочайшимъ beim Stücke essen und Glase Wein¹⁾ до болѣе
 замаскированной покупки депутатскихъ vota путемъ пре-
 ставленія выгодныхъ должностей или пожалованія пенсій.

Въ 1701 году, когда борьба между правительствомъ и
 дворянскими чинами послѣ установленія королевскаго титула вступала
 въ новую фазисъ, ландратъ и уѣздный начальникъ (въ Таплакен-
 бургѣ) Иог. Альбр. ф.-Крейценъ, членъ вліятельной прусской фа-
 мили какъ и Теттау, представилъ графу Вартенбергу мемуаръ²⁾,
 въ которомъ развивалъ сходную программу борьбы съ дворянской
 оппозиціей. Крейценъ относится еще враждебнѣе къ господству на
 ландтагахъ рядового мелкопомѣстнаго дворянства, къ «демократи-
 ческому» строю Пруссіи, который слѣдуетъ превратить въ «аристо-
 кратическій». Privilegia sunt stricte, non late interpretanda, заявляетъ
 онъ самого начала. Jus complanandi — лучшее средство въ
 рукахъ монарха для подчиненія дворянства на ландтагахъ рѣ-
 шенію обоихъ «благочестивыхъ чиновъ» — городовъ и ландра-

¹⁾ Bericht Werners an den Kurfürsten, 11. Okt. 1701 (R. 6. V. B. V. 6).
²⁾ «Pro memoria», Königsberg, 5. Febr. 1701 (R. 6. V. B. V. 6). Вопросы о
 ландтагахъ Крейценъ касался и въ другой, болѣе ранней политической
 запискѣ (нами не найденной), представленной также Вартенбергу; въ ней, напр.,
 обстоятельно (weitläufig) разсматривалъ доводы, направленные противъ compla-
 нации, доказывая ихъ несостоятельность.

товъ. И онъ, какъ и предыдущій авторъ, совѣтуетъ сдѣлать перекурію орудіемъ проведенія правительственныхъ плановъ (*die Landtage auf die Conduite der Landrätthe vornehmlich zu gründen*). Ландраты суть *perpetui consiliarii* монарха, связанные по отношенію къ нему присягой и несущіе болѣе тяжкую отвѣтственность за свѣршенія, чѣмъ выборные депутаты прочихъ курій, которые могутъ и не считаться съ соображеніями «общаго блага». Въ органическихъ сословныхъ сѣздовъ ф.-Крейценъ находитъ крупныя недостатки, ослабляющіе ихъ работоспособность. Слѣдуетъ прекратить ежедневнаго довольствія (*Landtagszehrung*) ландратамъ и дворянскимъ выборнымъ, существованіе котораго побуждаетъ заинтересованныхъ лицъ затягивать разсмотрѣніе поставленныхъ вопросовъ¹⁾, установить для ландратовъ определенное жалованье (*fixum quid*) и ограничить сессіи ландтаговъ какимъ-нибудь предѣльнымъ срокомъ, истеченіи котораго дворяне-депутаты утрачивали бы право на вознагражденіе, выдававшееся имъ изъ земскихъ средствъ. «Такъ сами собой исчезнутъ депутаты, ни у кого не станетъ охоты засѣдать лишнее время на свой счетъ и разыгрывать такъ называемыхъ патріотическихъ иронически заключаетъ ф.-Крейценъ. Другой недостатокъ въ устройствѣ ландтага это—вошедшее въ обычай соединеніе въ однихъ рукахъ депутатскихъ полномочій отъ нѣсколькихъ уѣздовъ, благодаря чему ландтагъ перестаетъ служить подлиннымъ отголоскомъ стремленій и нуждъ населенія, а депутаты получаютъ возможность «ловить рыбу въ мутной водѣ», располагая 4—5 голосами одновременно. Крейценъ совѣтуетъ прибѣгать для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ на ландтагахъ—какъ разъ въ началѣ 1701 года куріи разошлись между собой при голосованіи *donativum* на коронаціонные расходы Фридриха I—къ своего рода референдуму, передачѣ вопросовъ на обсужденіе и разрѣшеніе самихъ избирателей на уѣздныхъ сѣздахъ (*Amsttage*): тогда и выяснится, что лежитъ въ основѣ того или другого *votum* дворянской куріи: наличность ли дѣйствительнаго большинства, голосующаго согласно полученнымъ отъ избирателей наказамъ, или интриги и своекорыстіе нѣсколькихъ злонамеренныхъ

¹⁾ *Landtagszehrung, welche diejenige durch Verschleppung der Landtagszwecke haben, quibus res angusta domi est...* Корыстные соображенія правительственныхъ оппонентовъ правительства на ландтагахъ и ф.-Теттгау: *unendliche contradictionen, dass es auf die Weise mehr Landtagszehrungen herschiessen muss.*

intentionen) и враждебныхъ «общему интересу» лицъ. Только осуществленіямъ всѣхъ этихъ измѣненій въ организациі ландтаговъ думаетъ Крейценъ возможно будетъ направлять ихъ дѣятельность духъ королевскихъ предначертаній и въ соотвѣтствіи съ мнѣніями «истинныхъ слугъ и патріотовъ».

Политическіе совѣты, содержащіеся въ разсмотрѣнныхъ нами документахъ, не оставались безъ вліянія на политику Фридриха III въ отношеніи прусскихъ чиновъ. Не одно указаніе ихъ авторовъ принимало къ руководству и нашло осуществленіе среди разнообразныхъ мѣропріятій, выдвинутыхъ въ разсматриваемую эпоху со стороны оппозиціи, причемъ, однако, не слѣдуетъ забывать и на эти указанія, и на образъ дѣйствій правительства оказала также вліяніе политика Великаго курфюрста и тѣ испытанныя воздѣйствія на строптивую волю чиновъ, какія примѣнялъ прусскаго абсолютизма¹⁾. Подобно Фридриху-Вильгельму, и самому ему, по возможности, созыва многочисленныхъ «общихъ ландтаговъ» съ ихъ правомъ предъявлять *gravamina* къ «вѣчному» княжескаго авторитета²⁾, его преемникъ съ самаго началъ царствованія пытался (впрочемъ, неудачно) замѣнять общіе ландтаги съѣздами (*einen formellen Landtag*) въ Пруссіи немногочисленными депутатами или земскими комиссіями (*Ausschuss*), лишенными права предъявлять петиціи³⁾. Не добившись въ этомъ курфюрстъ стремился, по крайней мѣрѣ, создать на ландтагахъ наиболѣе благопріятную обстановку для проведенія своихъ цѣлей. Курфюршескіе комиссары развивали въ уѣздахъ во время созыва въ ландтагъ настоящую агитацію, стараясь добиться отъ представителей заблаговременнаго согласія на финансовые запросы, которые будутъ предъявлены ландтагу, или, по крайней мѣрѣ, того, чтобы земскіе послы не были связываемы слишкомъ узкими рамками королевскихъ наказовъ и являлись бы на съѣздъ *cum libera*, т. е. съ

Rachel, 148—162.

Die politischen Testamente der Hohenzollern herausg. von G. Kuntzel und H. Lohmann, I, 62.

Friedrich an P. v. Fuchs, 26. Jan. 1691 (R. 6. B. B. B. 1) Обычные мотивы отношенія къ ландтагу см. въ Reskript an die preuss. Regierung, 24. März 1712 mit... die Stände mit keinem weiltläufigen *gravaminiren* oder anderen unnötigen die kurtze und köstliche Zeith hinbringen können (R. 6. B. B. B. 1).

правомъ рѣшать по вопросамъ, не оговореннымъ въ наказаніи. II *complanatio*, на которую указывали политическія, записки пускалась въ ходъ или, вѣрнѣе, только выдвигалась въ качествѣ угрожающаго оружія монархіи противъ дворянской оппозиціи²⁾. Было недостатка и въ попыткахъ воздѣйствовать на волю отдельныхъ депутатовъ путемъ общаго милостей или, наоборотъ, угрозы привлеченія упорныхъ оппонентовъ правительства къ личной ответственности, какъ, на примѣръ, поступилъ курфюрстъ въ 1695 году³⁾ потребовавши сообщенія именъ дворянскихъ выборныхъ, не согласившихся на разрѣшеніе поземельнаго сбора до выдачи «ассекрети» сословныхъ правъ, или въ 1700 году⁴⁾, когда предъявлено было требованіе, чтобы сословныя «мнѣнія» снабжались подписями ретторовъ (*Concipisten*). «Свобода» сословныхъ совѣщаній стѣснена и въ другихъ отношеніяхъ: съ половины 90-хъ годовъ продолжительность сессій ландтаговъ ограничивается 6-недѣльнымъ срокомъ. Крейценъ высказывался даже за четырехнедѣльный — по истеченіи коего ландраты и депутаты отъ дворянства теряли право на вѣченіе дѣлъ, первые — отъ казны, вторые — отъ своихъ уѣздныхъ земствъ⁵⁾. Важнѣе всѣхъ названныхъ мѣръ было то обстоятельство, что правительство имѣло возможность, какъ и совѣтовали его сторонники, пользоваться содѣйствіемъ одного изъ элементовъ этого учрежденія — ландратской куріей, этой «верхней палатой» ландтага съ полумонархическимъ, полусословнымъ характеромъ. Тейтау перомъ доказывалъ, что ландраты являются удобнѣйшимъ рычагомъ монархической политики: такая точка зрѣнія на коллегію неукоснительно проводится правительствомъ Фридриха III, которое смотритъ на нее, какъ на свой исполнительный органъ, обязанный ему особымъ повиновеніемъ и отъ него зависимый. Во время столкновеній монархіи съ земствомъ ландраты обязаны были приспособлять свое поведеніе свое и свои *vota* къ правительственнымъ видамъ⁶⁾, не

1) Bericht Werners an Friedrich, 11. Okt. 1701; idem, 13. Dez. 1701 (R. 6. B. B. 6).

2) Entschliessung der Stände, 11. Febr. 1695 (R. 6. B. B. B. 5). Ср. *Bergmann*, 85.

3) Reskript an die preuss. Regierung, 29. Jan. 1695 (R. 6. B. B. B. 5).

4) Memorial der Stände, 1. März 1700 (R. 6. B. B. B. 6). *Bergmann*, 83).

5) Landtagsproposition 30. Nov. 1695; so wenig vom Lande, als auch Oero Camer.—Instruction für H. von Barfuss, 17. Sept. 1695 (R. 6. B. B. B. 5).

6) Relation der pr. Regierung, 2. Juli 1691.

только, чтобы они руководились такими же мотивами, как «ответственные» выборные члены ландтага¹⁾; их деятельность ландтагъ, равно какъ и при выборахъ въ это учреждение, ставила определенную задачу — содѣйствовать возможно полному и окончательному удовлетворенію требованій центральной власти. Къ нимъ обращаются, чтобы вліять при ихъ посредствѣ на избіеженіе дворянской куріи при составленіи ими наказа или для выбора угоднаго правительству лица, ибо извѣстно, «какъ много они сдѣлали и въ ландратской куріи и внѣ ея»²⁾, и Крейценъ въ своемъ запискѣ также не преминулъ отмѣтить, какую роль играютъ эти выборы ландраты-Hauptleute, на обязанности которыхъ лежалъ самый созывъ элекціонныхъ сѣздовъ. Для той же цѣли — вліянія на рѣшенія земскихъ чиновъ — эксплуатируется и вліяніе «протора» ландратовъ, какъ между прочимъ совѣтовалъ Теттау³⁾. Земельные комиссары въ 1701 году могли отмѣтить въ своихъ донесеніяхъ наличность немалого количества ландратовъ, которые проводили выдвинутый въ это время тіеппингъ⁴⁾, а другой важный документъ конца 1703 года⁵⁾ насчитывалъ не менѣе 1200 членовъ, т. е. свыше половины общаго ихъ числа, гдѣ правительственное вліяніе, основанное на содѣйствіи мѣстной администраціи, ставило упроченнымъ и не предвидѣлось возможности сопротивленія даже весьма радикальнымъ преобразованіемъ сословнаго быта. Все сказанное до сихъ поръ даетъ достаточное понятіе объ общему характеру сословной политики Фридриха III въ Пруссіи въ первый десятилѣтія его правленія. Несмотря на обозначившуюся въ эту эпоху рѣзкое расхожденіе политической программы вѣрды, съ одной стороны, и сословій, съ другой, нельзя еще

¹⁾ Relation von Fuchs, 7. Juli 1691 (R. 6. B. B. B. 2). Ср. *Bergmann*, 71.

²⁾ Brief eines Kriegesrats an den Landvoigt zu Schaaken Tettau, Wallenrodt, 16. Sept. 1698 (R. 6. B. B. B. 5).—Lüttwitz an den Geheimen Kriegesrat, 16. Sept. 1701 (R. 6. B. B. B. 6) и Bericht Werners, 23 Dez. 1701 (ibid.).

³⁾ Bericht Werners, 8. Nov. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

⁴⁾ Lüttwitz an den Geheimen Kriegesrat, 16. Sept. 1701: Landrat und Hauptmann Tettau (Шанбень)... versicherte die Landstände auf dem nehesten Landtage dahin zu versprechen, dass die Willigung auf drei nach einander folgende Jahre gerichtet werden soll.—Bericht Werners, 23. Dez. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

⁵⁾ Vorschlag wegen Abstellung der abusuum der Landtage in Preussen (R. 6. B. B. B. 6). См. о немъ ниже.

правомъ рѣшать по вопросамъ, не оговореннымъ въ наказѣ. И *complanatio*, на которую указывали политическія, записки такъ пускалась въ ходъ или, вѣрнѣе, только выдвигалась въ качествѣ угрожающаго оружія монархіи противъ дворянской оппозиціи²⁾. Было недостатка и въ попыткахъ воздѣйствовать на волю отдельныхъ депутатовъ путемъ общанія милостей или, наоборотъ, угрозы привлеченія упорныхъ оппонентовъ правительства къ личной ответственности, какъ, напримѣръ, поступилъ курфюрстъ въ 1695 году³⁾, потребовавши сообщенія именъ дворянскихъ выборныхъ, не соглашавшихся на разрѣшеніе поземельнаго сбора до выдачи «ассекurations» сословныхъ правъ, или въ 1700 году⁴⁾, когда предъявлено было требованіе, чтобы сословныя «мнѣнія» снабжались подписями ратниковъ (*Concipisten*). «Свобода» сословныхъ совѣщаній стѣснялась и въ другихъ отношеніяхъ: съ половины 90-хъ годовъ продолжительность сессій ландтаговъ ограничивается 6-недѣльнымъ срокомъ. Крейценъ высказывался даже за четырехнедѣльный — по истеченіи коего ландраты и депутаты отъ дворянства теряли право на вѣчеіе діетъ, первые — отъ казны, вторые — отъ своихъ уѣздныхъ земствъ⁵⁾. Важнѣе всѣхъ названныхъ мѣръ было то обстоятельство, что правительство имѣло возможность, какъ и совѣтовали его сторонники, пользоваться содѣйствіемъ одного изъ элементовъ государственнаго учрежденія — ландратской куріей, этой «верхней палатой» ландтага съ полумонархическимъ, полусословнымъ характеромъ. Теттау перомъ доказывалъ, что ландраты являются удобнѣйшимъ рычагомъ монархической политики: такая точка зрѣнія на коллегію неукоснительно проводится правительствомъ Фридриха III, которое смотритъ на нее, какъ на свой исполнительный органъ, обязанный ему особымъ повиновеніемъ и отъ него зависимый. Во время столкновеній монархіи съ земствомъ ландраты обязаны были приспособлять свое поведеніе свое и свои *vota* къ правительственнымъ видамъ⁶⁾. Вѣ

1) Bericht Werners an Friedrich, 11. Okt. 1701; idem, 13. Dez. 1701 (R. 6. B. B. 6).

2) Entschliessung der Stände, 11. Febr. 1695 (R. 6. B. B. B. 5). Cp. Bergmann, 85.

3) Reskript an die preuss. Regierung, 29. Jan. 1695 (R. 6. B. B. B. 5).

4) Memorial der Stände, 1. März 1700 (R. 6. B. B. B. 6). Bergmann, 83).

5) Landtagsproposition 30. Nov. 1695; so wenig vom Lande, als auch Dero Cammer. — Instruction für H. von Barfuss, 17. Sept. 1695 (R. 6. B. B. B. 5).

6) Relation der pr. Regierung, 2. Juli 1691.

то есть, чтобы они руководились такими же мотивами, как «ответственные» выборные члены ландтага¹⁾; их деятельность ландтагъ, равно какъ и при выборахъ въ это учреждение, ставилъ передъ собою определенную задачу — содѣйствовать возможно полному и окончательному удовлетворенію требованій центральной власти. Къ этому же обращаются, чтобы вліять при ихъ посредствѣ на избирательную дворянскую курію при составленіи ими наказа или для выбора угоднаго правительству лица, ибо извѣстно, «какъ много могутъ они сдѣлать и въ ландратской куріи и внѣ ея»²⁾, и Крейценъ въ своемъ запискѣ также не преминулъ отмѣтить, какую роль играютъ выборы ландраты-Hauptleute, на обязанности которыхъ лежитъ самый созывъ элекціонныхъ сѣздовъ. Для той же цѣли — вліянія на рѣшенія земскихъ чиновъ — эксплуатируется и вліяніе «протора» ландратовъ, какъ между прочимъ совѣтовалъ Теттау³⁾. Земельные комиссары въ 1701 году могли отмѣтить въ своихъ донесеніяхъ наличность немалаго количества ландратовъ, которые проводили выдвинутый въ это время тієрпінгъ⁴⁾, а другой важный документъ конца 1703 года⁵⁾ насчитывалъ не менѣе 100 чиновъ, т. е. свыше половины общаго ихъ числа, гдѣ правительственное вліяніе, основанное на содѣйствіи мѣстной администраціи, имѣло въ упороченнымъ и не предвидѣлось возможности сопротивленія даже весьма радикальнымъ преобразованіемъ сословнаго быта. Все сказанное до сихъ поръ даетъ достаточное понятіе объ общему характеру сословной политики Фридриха III въ Пруссіи въ первое десятилѣтіе его правленія. Несмотря на обозначившуюся въ эту эпоху рѣзкое расхожденіе политической программы дворян, съ одной стороны, и сословій, съ другой, нельзя еще

¹⁾ Relation von Fuchs, 7. Juli 1691 (R. 6. B. B. B. 2). Cp. Bergmann, 71.

²⁾ Brief eines Kriegesrats an den Landvoigt zu Schaaken Tettau, Wallenrodt, 16. Dez. 1698 (R. 6. B. B. B. 5). — Lüttwitz an den Geheimen Kriegesrat, 16. Sept. 1701 (R. 6. B. B. B. 6) и Bericht Werners, 23 Dez. 1701 (ibid.).

³⁾ Bericht Werners, 8. Nov. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

⁴⁾ Lüttwitz an den Geheimen Kriegesrat, 16. Sept. 1701: Landrat und Hauptmann Tettau (Шалбень)... versicherte die Landstände auf dem nehesten Landtage dahin zu bringen, dass die Willigung auf drei nach einander folgende Jahre gerichtet werden soll. — Bericht Werners, 23. Dez. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

⁵⁾ Vorschlag wegen Abstellung der abusuum der Landtage in Preussen (R. 6. B. B. B. 15). См. о немъ ниже.

жалобы» сословій, оставленные властью безъ удовлетворенія, и несъ обязательное для обѣихъ сторонъ рѣшеніе (*rechtlicher Ausspruch*).

Gravamina 1699 года сыграли, безъ сомнѣнія, немаловажную роль въ исторіи дальнѣйшихъ отношеній монархіи и земства; они сдѣлывали опредѣленнымъ образомъ, что прежняя политика вѣдѣмъ по отношенію къ чинамъ не можетъ дать никакихъ результатовъ. Было очевидно, что въ своемъ стремленіи установить въ Пруссіи управление, подчиненное монархическимъ учрежденіямъ и ввести правильную и устойчивую систему обложенія курфюрсту и въ будущемъ придется имѣть дѣло съ игнорированіемъ общегосударственныхъ интересовъ со стороны чиновъ, съ такимъ же рѣзкимъ сопротивленіемъ его требованіямъ, органомъ и выразителемъ которыхъ были ландтаги. Если такое убѣжденіе складывалось въ сознаніи курфюрста и его совѣтниковъ,—а оно не могло не сложиться въ десятилѣтней распрѣ монархіи съ чинами—тѣмъ самымъ обозначался возможный практическій выходъ изъ этого положенія, *remedium*, котораго не рѣшались еще назвать авторы «мемуаровъ»: такимъ выходомъ былъ бы рѣшительный натискъ на всю систему прусскихъ сословныхъ учреждений—уничтоженіе права ландтаговъ и связанныхъ съ послѣднимъ права петицій и самообложенія.

Сословная челобитная 1699 года своимъ неуступчивымъ, почти вызывающимъ тономъ могла лишь укрѣпить правящіе круги въ этомъ рѣшеніи. Курфюрстъ былъ сильно ею раздраженъ; его «революція» содержала чрезвычайное рѣзкое осужденіе сословныхъ притязаній (*nichtige und unziemliche gravamina!*) и вызвала, въ свою очередь, новый протестъ со стороны чиновъ, жаловавшихся на пренебреженіе къ ихъ «настоятельнѣйшимъ ходатайствамъ» (*urgentissima gravamina*), касающимся интересовъ всей земли. Въ что превратится, спрашивали сословія, «знатнѣйшая и величайшая ихъ привилегія» свободно обсуждать свои нужды и «безбоязненно» ихъ доводить до свѣдѣнія власти, если отказано во всякой помощи и уваженіи къ ихъ заявленіямъ? Сословія высказывали опасеніе, что ландтаги при такомъ положеніи дѣлъ перестанутъ приносить «всю пользу, какую съ давнихъ поръ привыкли ждать отъ нихъ и земля и государственная власть ¹⁾». Впослѣдствіи, въ 1706 году

¹⁾ *Allgem. Bedenken*, 27. Nov. 1699 (R. 6. B. B. 5).

ия, образованная для рассмотрѣнія вопроса о дальнѣйшемъ существованіи ландтаговъ, поставить прусскимъ чинамъ въ вину свои заявленія (*impertinentes Memorial von 1699*) и найти въ законное основаніе для отмѣны сословныхъ собраній¹⁾. На новый курсъ въ сословной политикѣ, все яснѣе обозначившійся съ 1699 года, толкали курфюрста не только отмѣченныя мѣропріятія съ чинами и упорное отстаиваніе послѣдними старыхъ прерогативъ въ законодательствѣ и управленіи. Не безъ вліянія на этотъ отношеніи были и происшедшія за это время перемѣны въ составѣ самого правительства: съ 1698 года, послѣ опалы Гиннемана, власть перешла къ извѣстному «тріумвирату», состоявшему изъ курфюршескаго фаворита, оберкаммергера графа Кольбе-Вартенберга, оберкригс-комиссара графа ф.-Барфуса и дѣйств. тайн. сов. Пауля ф.-Фукса, подѣлившихъ между собой главные отрасли государственнаго хозяйства и управленія. Все это были люди, поднявшіяся на придворно-бюрократической службѣ, склонныя разсматривать политическіе вопросы подъ угломъ личныхъ интересовъ и соображеній своей карьеры. О «береженіи» (*Conservierung*) сословныхъ правъ, какое ставилъ себѣ въ заслугу Данцигъ, не могло быть и рѣчи у безпринципнаго и корыстнаго политика ф.-Вартенберга, стоявшаго во главѣ «кабинета», ни у его товарищей, которые и раньше, въ качествѣ правительственныхъ комиссаровъ на ландтагахъ, были усердными проводниками абсолютистской политики въ Пруссіи²⁾. Сторонникомъ централизованной политики и подавленія сословныхъ вольностей былъ и вѣрный Рюдигеръ ф.-Ильгенъ, сыгравшій столь видную роль въ упраздненіи прусскихъ сословныхъ учреждений въ 1705—1711 годахъ³⁾. Къ этимъ наиболее виднымъ членамъ прави-

¹⁾ Protokoll der Kommission wegen der preuss. Landtage, Nov. 1706 (R. 6. B. V. B. 36).

²⁾ Ср. отзывы Фукса о ландтагѣ 1692 (P. v. Fuchs an die Geheime Räte, 7. Juli 1692, R. 6. B. V. B. 3).

³⁾ Acta Borussica IV, 2, p. 125, Vorstellung des General-Directoriums, 2. Febr. 1705, welcher vorhin angeführter Maszen in der Sache wegen Abschaffung der preuss. Landtage viel gearbeitet. О дѣятельной роли этого члена Тайнаго совѣта въ прусскихъ дѣлахъ свидѣлствуютъ набросанные его рукой черновики, помѣты на ландтажскихъ запискахъ въ R. 6. B. V. B. 1—6. Отъ него же исходитъ инициатива упраздненія оберпалатинской коллегіи въ 1706 г. (см. *Isaacsohn*, III, 3).

тельства примыкали по своимъ воззрѣніямъ второстепенные агенты какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ (напримѣръ, Мейндеръ, Вернеръ и др.), составлявшіе въ совокупности внушительную партію абсолютизма.

Но, можетъ быть, еще важнѣе, чѣмъ всѣ эти особенности тенденціи тогдашняго правительственного состава, были измѣненія самой идеологіи монархіи, опредѣлившіяся на исходѣ вѣка замедлившія отразиться на ея политической практикѣ. «Фактически абсолютизмъ» ¹⁾ Гогенцоллерновъ XVII вѣка, еще шадившій своимъ поступательномъ развитіемъ формы сословнаго устройства, довольствовавшійся частичнымъ или временнымъ ихъ нарушеніемъ во имя «государственной необходимости», все болѣе перерождается къ этому времени въ абсолютизмъ принципиальный, отвергающій самыя формы исторически образовавшагося уклада сословной государственности. Въ основѣ новаго теоретическаго абсолютизма лежала, какъ извѣстно, мысль о богоустановленности и неограниченности власти монарха, исключаящихъ возможность равнаго съ нимъ участія (*condominium*) или даже содѣйствія ему въ управленіи подчиненныхъ общественныхъ группъ. Яркій отпечатокъ этихъ идей лежитъ на государственныхъ актахъ курфюрста второй половины 90-хъ годовъ; многія заявленія въ этихъ документахъ кажутся позаимствованными изъ боссюэтовской „*Politique tirée de l' Ecriture Sainte*“ или изъ какого-нибудь трактата нѣмецкихъ абсолютистовъ этого времени. «Князья и государи—гласила пропозиція, прочитанная прусскому ландтагу въ 1695 году—суть боги на землѣ, коимъ Всевышній поручилъ распоряжаться, въ качествѣ своихъ намѣстниковъ, въ земныхъ и временныхъ вещахъ» ²⁾. Повиновеніе, оказываемое подданными монарху, «образу Божию», есть наилучшій способъ выполненія изъ обязанностей по отношенію къ самому Богу. Въ другомъ случаѣ ³⁾ проводится какъ бы параллель между божественнымъ міровладычествомъ и правленіемъ абсолютнаго монарха: какъ тайны божьихъ предначертаній мудро сокрыты отъ людей, такъ и высокіе правители (*hohe Potentaten, die so zu reden auf Erden vergöttert* ⁴⁾).

¹⁾ R. Koser, Hist. Zeitschr. 1889, B. LXI. p. 247.

²⁾ Landtagsproposition, 30. Nov. 1695 (R. 6. B. B. 5).

³⁾ Kurfürstl. Proposition an die Verordnete der Landschaft (въ Курфюрстл. 6. Nov. 1700 (R. 20. H. H.).

могутъ допустить, чтобы «превеликія тайны» ихъ управленія ограничались предъ подданными (земскими чинами) и переставали, — наоборотъ, служить охранѣ «государственнаго интереса». Отсюда шагъ до отрицанія всякаго права сословій на сотрудничество съ высшей властью; монархъ столь же мало связанъ чьей-либо «своемъ «регіментъ», какъ Творецъ въ своемъ міродержавіи (Eltregiment). Последовательнымъ выводомъ изъ этой мысли — наприм., отказъ Фридриха III въ 1700 году санкционировать сословныхъ привилегій въ одной изъ областей, ограничивъ его права въ сферѣ внѣшней политики: weil Wir diese Lande nicht in communione, sondern für Uns alleine regieren und besitzen ¹⁾. Противорѣчія монархической и сословной идеологіи должны были еще возрасти послѣ приобрѣтенія курфюрстомъ королевскаго титула, подчинявшаго его на высшую іерархическую ступень, съ которой монархъ соединялъ и новыя теоретическія притязанія, и, въ частности, — причину, что королевскій титулъ былъ поставленъ въ близи государственно-правовую связь какъ разъ съ той провинціей, — абсолютистскія стремленія встрѣчали наиболѣе упорное сопротивление. Еще въ 1699 году возникло рѣшеніе обосновать новое междукурфюрста не на его старинныхъ наследственныхъ правахъ, подчиненныхъ императорскому сюзеренитету, а на свободномъ (въ 1657 года) отъ всякихъ ленныхъ узъ обладаніи герцогствомъ Пруссіею; отъ Пруссіи и получилъ свое начало королевскій титулъ (König in Preussen), присвоенный курфюрстомъ при исключительномъ торжественномъ церковномъ церемоніалѣ въ январѣ 1701 года въ Кенигсбергѣ. Пруссіе чины получили при этомъ новое подтвержденіе привилегій, которыя король обѣщалъ «крѣпко и нерушительно охранять и даже «милостиво приумножать», причемъ заявлялъ, что установленіе новаго титула ни въ чемъ не измѣнитъ правъ и пожалованныхъ чинамъ «ради ихъ нелицемѣрной вѣрности службы» ²⁾. Королевскія обѣщанія стояли, однако, въ явномъ противорѣчіи съ тѣмъ взглядомъ на значеніе событія 18 января 1701 года, къ которому склонялся и самъ Фридрихъ и большинство его государственныхъ дѣятелей. Приобрѣтеніе королевскаго

¹⁾ Confirmation der pommersch. Privilegien, 16. März 1700 (R. 30. n. 231).

²⁾ Pr. Preuss. Stände an den König, 25. Febr. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

титула, въ дѣйствительности, лишь содѣйствовало дальнѣйшему развѣтлю «принципіального» абсолютизма, въ корнѣ враждебнаго сословной самостоятельности. Религіозное освященіе новой власти ставило «мазанника Божія» подъ непосредственное попеченіе божественнаго Промысла, сообщало ему дары исключительнаго призванія въ дѣло государственнаго строительства, упрочивала мысль о надчеловѣческомъ достоинствѣ «божьяго викарія»¹⁾, которая съ меньшей опредѣленностью выступала уже и въ актахъ до 1701 года. Вознесенный на такую теоретическую высоту, король, всемогущій Pro-Deus, еще меньше, нежели до сихъ поръ, могъ считаться связаннымъ узами договора съ своими подданными — чинами или нуждаться въ содѣйствіи ограниченаго разума при осуществленіи своей власти и менѣе всего, конечно, въ Пруссіи, съ обладаніемъ которой связанъ былъ самый королевскій титулъ. Именно здѣсь, въ Пруссіи, согласно распространенному въ это время воззрѣнію, коронованіе 1701 года сообщило Фридриху новыя полномочія, «неограниченную отнынѣ суверенную власть», по выраженію сословнаго оратора въ томъ же 1701 году²⁾, и, слѣдовательно, право перестраивать, по усмотрѣнію образовавшіяся въ этой странѣ взаимоотношенія монарха и подданныхъ. Со времени превращенія Пруссіи въ «наслѣдственное суверенное королевство», заявлялъ прусскій канцлеръ Г. Ф. ф.-Брейценъ³⁾, существованіе ландтаговъ зависитъ всецѣло отъ воли самого монарха (steht E. M. schlechterdings frey die Landtage zu abrogiren). Такимъ образомъ, по убѣжденію современниковъ, къ которымъ, понятно, присоединялось и безъ того абсолютистски настроенное правительство Фридриха I, не было послѣ 1701 года теоретическихъ препятствій для преобразованія прусскаго сословнаго устройства въ духъ абсолютизма; такое преобразование, напротивъ, вскорѣ выдвигается впередъ въ качествѣ очередной задачи королевской политики въ Пруссіи, одинаково оправдываемой и практическими соображеніями, и отвлеченными принципами, легшими въ основаніе новой власти.

¹⁾ Hubrich, Zur Entstehung der Preussischen Staatseinheit (Forschungen zu Brandenburg. und preuss. Geschichte, XX, 367), гдѣ собраны указанія на религіозно-политическое значеніе, какое придавалъ Фридрихъ I акту своего коронованія.

²⁾ Eines königl. preuss. Landraths und Hauptmanns an die Noblesse des in anvertrauten Amts im Jahr 1701 gethane Anrede (R. 6. B. B. B. 6).

³⁾ G. F. v. Kreytzen an den König, 7. Sept. 1705 (ibidem).

На самомъ дѣлѣ, имѣются нѣкоторыя указанія на то, что вопросъ о вѣчной отсрочкѣ прусскихъ ландтаговъ ставился въ правящихъ кругахъ уже въ томъ же 1701 году, въ особенности, осенью, когда ландтагъ снова отвѣтилъ отказомъ на требованіе трехгодичнаго налога. Противники сословій, повидимому, даже намѣчали мѣры, долженныя ослабить возможное сопротивленіе реформѣ. Вернеръ, который осенью 1701 года переговорами по поводу triennium'a, призвалъ Фридриху ¹⁾ заявить напередъ, что ландраты, «по особому королевской милости», сохранять свое денежное содержаніе даже въ случаѣ полного прекращенія ландтаговъ (wenn auch gar kein Landtag wäre). Неизвѣстный ландратъ, авторъ рѣчи, произнесенной на одномъ изъ уѣздныхъ сѣздовъ этого времени, былъ осведомленный относительно видовъ двора и, можетъ быть, интригованный послѣднимъ, недаромъ предостерегалъ своихъ „собратьевъ“ отъ чрезмѣрной неуступчивости по отношенію къ правительству, которое можетъ привести къ тому, что сословія утратятъ возможность собираться на свои сѣзды (Sie endlich gar Ihrer Zukünfte verlustig gehen könnten)—опасность, отъ которой уже хотѣли ихъ защитить «бумажныя стѣны земскихъ конституцій» ²⁾. Попытка провести triennium усилила и безъ того тревожное состояніе чиновъ, порождавшееся подобными предостереженіями и слухами о замыслахъ правительства. Мотивомъ этого требованія была, какъ всегда, необходимость сократить расходы, связанные съ ежегодными созывами ландтаговъ ³⁾, но за этими соображеніями тайно скрывался у противниковъ прусской самостоятельности другой мотивъ—подготовить реформу ландтага путемъ постепеннаго сведенія на нѣтъ всей его дѣятельности. Вернеръ и не скрывалъ этой мысли, сообщая въ одномъ изъ своихъ донесеній въ декабрѣ 1701 года, что онъ надѣется добиться ассигнованій по крайней мѣрѣ на два,

¹⁾ Bericht Werners, 11. Okt. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

²⁾ Einem preuss. Landraths... im Jahr 1701 gethane Auredé.—Не лишено, въ связи съ этими ожиданіями, извѣстной выразительности то обстоятельство, что обер-трибуналу 1701 года, обращаясь къ королю, не ставятъ прямо обычнаго вопроса о созывѣ очереднаго ландтага, а лишь „was Sie desfalls zu der künftigen Contribution uns allergnädigst zu befehlen werden geruhen wollen“. Relation der Regierung, 15. Sept. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

³⁾ Obristdienenant v. Lüttwitz an den Geh. Kriegsrat, 16. Sept. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

если не на три года и ждать отъ этого мѣропріятія того результата, что сословія утратятъ привычку къ своимъ ежегоднымъ ландтагамъ, а съ теченіемъ времени согласятся вотировать налоги и на болѣе продолжительные періоды ¹⁾. Сословія, однако, выступили противъ *biennium*'а ²⁾ какъ разъ по тѣмъ соображеніямъ, которые побуждали курфюршескаго комиссара добиваться установленія такого порядка обложенія тѣмъ болѣе противились они установленію налоговъ на цѣлое трехлѣтіе, какъ «необычному», могущему имѣть послѣдствіемъ «полное устраненіе вашихъ ландтаговъ» и, такимъ образомъ, лишить сословіе, вмѣстѣ съ правомъ соизволенія налоговъ, возможностиносить престолу свои *gravamina* ³⁾. Напрасно сторонники *triennium*'а доказывали, что всѣ такіа опасенія не имѣютъ почвы подъ собою (*blosse Schreck- und Scheinlarven*), порождены «слѣпою ревностью сословій къ интересамъ отечества», и что новый порядокъ не противорѣчитъ «конституціи», а ежегодные ландтаги ничуть не являются неизмѣнной принадлежностью прусскаго строя ⁴⁾: всѣ эти увѣренія не могли разсѣять охватившихъ дворянство опасеній предъ возможной утратой права ландтаговъ и, вмѣстѣ съ нимъ, важнѣйшей опоры ихъ соціальнаго и хозяйственнаго преобладанія въ странѣ. «Дрожащими руками и со смятеннымъ духомъ», по картинному изображенію Кальнейна, вручалъ ландтагъ свои ассигнованія, решаясь продлить ихъ свѣше обыкновеннаго срока. «Полагають (чинятъ), что самое вѣрное средство оберечь ихъ права и вольности это—устанавливать всѣ *lauda* не болѣе, какъ на годъ, благодаря чему, при ежегодномъ возобновленіи своихъ собраній, сословія имѣютъ каждый разъ новые поводы напоминать о своихъ привилегіяхъ, дабы послѣднія не пришли въ забвеніе» ⁵⁾.

Небольшой по объему документъ, сохранившійся среди актовъ ландтаговъ и связанной съ ними административной переписки начала XV^{III} вѣка, проливаетъ еще болѣе яркій свѣтъ на планы берлинскихъ правящихъ круговъ этого времени; озаглавленъ онъ:

¹⁾ Bericht Werners, 13. Dez. 1701 (R. 6. B. B. B. 6).

²⁾ Sämmtlicher Stände Ansuchen, 23. Jan. 1702 (R. 6. B. B. B. 6: in diesem Königreich noch nie fūrgewesene... zweijährige Willigung.

³⁾ Eines pr. Landraths... Anrede.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Kurtzer, doch wohlgemeinter Entwurf ... eines Königl. Dieners.

Vorschlag wegen Abstellung der abusuum der Landtage in Preussen
осится, судя по сдѣланной на немъ помѣтѣ, къ 1703 или
1704 году. Въ концѣ текста значится: королевскому камергеру
Ф.-Шлибену¹⁾. Припиской этой опредѣляется назначеніе
характеръ разсматриваемаго документа: составленный отъ имени
и предназначенный для графа Эрнеста ф.-Шлибена, пред-
ставителя вліятельной и родовитой прусской фамиліи, предан-
бургскому дому, Vorschlag является инструкціей для
полненія политической миссіи, возложенной на Шлибена, на
перво и раньше возлагались королемъ отвѣтственные порученія,
примѣръ, участіе въ комиссіи для ревизіи управленія прусскихъ
дѣлъ въ 90-хъ годахъ²⁾. На этотъ разъ дѣло, порученное
Шлибену, заключалось въ подготовкѣ общественнаго мнѣнія въ
Пруссіи къ задуманному королемъ уничтоженію сословнаго пред-
ставительства. Въ инструкціи и намѣчались мѣры для проведенія
политической реформы и предупрежденія ожидавшагося противо-
стоя этому замыслу (Unser Dessen wegen Aufhebung der Land-
tage, стороны прусскихъ сословій).

Инструкція открывается пространнымъ разсужденіемъ о преи-
муществахъ самодержавнаго строя сравнительно съ монархіей со-
словнаго, въ которой земскіе чины хотя и подчинены суверенамъ,
но «недовѣрія» къ послѣднимъ отняли у нихъ неограниченную
власть. Порядки сословнаго государства изображаются въ самомъ
неблагопріятномъ свѣтѣ: сословные съѣзды являются поприщемъ
неутихающихъ пререканій между властью и подданными, чему спо-
собствуютъ честолюбцы, становящіеся во главѣ партій и прикрываю-
щіеся обманчивымъ наименованіемъ патріотовъ; смуты и вну-
трипартийныя раздоры приводятъ, наконецъ, къ тому, что утомленный
неуспѣхами (erschöpften Regiments überdrüssig) народъ добровольно вручаетъ
своимъ государямъ «свободную неограниченную власть», послѣ чего
государство становится и могущественнѣе, и счастливѣе, чѣмъ при
предыдущей воображаемой золотой вольности». Примѣромъ могутъ слу-
жить Англія и Швеція, населеніе которыхъ поняло преимущества

¹⁾ «Vorschlag» etc. находится въ Repos. 6. В. В. В. 5; кромѣ Шлибена, онъ
составляется еще для одного лица, имя котораго написано неразборчиво (Tribu-
nen).

²⁾ Acta Borussica, I, 73.

абсолютной власти и надѣлило ею своихъ монарховъ, тогда Англія до недавняго времени, а Венгрія и Польша и донынѣ являются собой печальный примѣръ смуты и бѣдствій, къ которымъ приводитъ народовластіе. Изобразивъ затѣмъ «блаженное состояніе» Пруссіи въ теченіе истекшаго полустолѣтія со времени отторженія отъ Польши и установленія суверенитета Гогенцоллерновъ, инструкция подходит къ основному своему тезису: такъ какъ прусскій монархъ всѣмъ своимъ благосостояніемъ обязанъ исключительно «непреставленному попеченію» курфюрстовъ — сословныя *consilia* не принесли ему малѣйшей пользы! — долгъ благодарности по отношенію къ монарху обязываетъ Пруссію «безъ колебанія» вручить послѣднимъ свою судьбу въ довѣренность ихъ попечительному руководству и просить, по собственному почину, объ упраздненіи „бывшихъ до сего времени такъ называемыхъ ландтаговъ“; Пруссія пріобрѣтетъ себѣ великую славу предъ цѣлымъ міромъ, принявъ добровольно (*ungezwungen*), среди полного мира и благополучія такое рѣшеніе, къ которому ея сѣверныя сословія пришли лишь подъ угрозой разоренія и войны.

Къ этимъ общимъ соображеніямъ инструкция присоединяла замѣчанія болѣе практическаго свойства и конкретнаго характера. Предложенная отмѣна ландтаговъ ставила на очередь вопросъ о способѣ представленія сословныхъ петицій и жалобъ. Въ инструкціи давалось обѣщаніе со стороны правительства обращаться непосредственно къ населенію отдѣльныхъ уѣздовъ (*von Amt zu Amt*), собирать свѣдѣнія о мѣстныхъ нуждахъ и удовлетворять ихъ съ большей полнотой, чѣмъ того достигали ландтаги своими выпадами по адресу верховной власти. Инструкція совѣтовала Шлибену вести дѣло съ большою осмотрительностью и осторожностью, въ виду возможности противодѣйствія со стороны отдѣльныхъ лицъ, «страшащихся самаго слова-перемѣна». Въ случаѣ предъявленія требованія о созывѣ ландтага для разрѣшенія этого вопроса, Шлибенъ долженъ былъ такое требованіе отклонить: правительство, видимо, не надѣялось привлечь разнородные элементы ландтага къ единогласному рѣшенію — *Köpf unter einen Hut zu bringen*. Инструкція намѣчала другой путь-воздѣйствія на отдѣльныя мѣстныя группы, орудіемъ котораго должны были явиться уѣздные начальники, обычные проводники правительственныхъ видовъ на мѣстахъ. Шлибену поручалось довести до

о рѣшеніи короля впредь не созывать ландтаговъ, ведущъ умаленію его власти и обременительныхъ для населенія: одной стороны, ландтаги бесполезны (ohne Noth und Nutzen), другой портъ какъ наличность регулярнаго войска привела, по необходимости, къ установленію и постояннаго обложенія, съ другой — никакая власть все равно не можетъ допустить «предписывать» то бы то ни было, не отказываясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, взять на себя смотрѣніе земскихъ ходатайствъ. На уѣздную администрацію возлагалась обязанность внушать королевскій взглядъ на ландтаги населенію, «располагать» уѣздные съѣзды «путемъ надлежныхъ увѣщаній къ добровольному отказу отъ ландтаговъ»; отношеніе каждого такого постановленія мѣстныхъ собраній составило приговоръ, снабженный подписями всѣхъ участниковъ. Съ одной стороны, Шлибенъ долженъ былъ пустить въ ходъ свое вліяніе связи среди прусской аристократіи, не скупиться на обѣщанія королевскихъ милостей и благорасположенія къ тѣмъ лицамъ, кои проявятъ усердіе въ этомъ благомъ дѣлѣ (heilsames Werk). С другой стороны, милости должны были коснуться и остальнаго населенія. Предлагалось уѣзднымъ начальникамъ собирать жалобы мѣстныхъ жителей и сообщать ихъ правительству, снабдивъ своими замѣчаніями относительно способовъ ихъ удовлетворенія: населеніе должно было, напр. обр. убѣдиться, что его нужды встрѣтять и безъ ландтага такое же вниманіе со стороны верховной власти¹⁾; поземельный налогъ въ предстоящемъ году предлагалось установить по соглашенію съ землевладѣльцами и городами въ опредѣленномъ мѣрѣ отвѣчающемъ хозяйственному положенію отдѣльных мѣстностей, и въ наиболѣе удобной для нихъ формѣ (modus); разслѣдованіе несправедливыхъ показаній плательщиками облагаемыхъ имуществъ пріостанавливалось; «малые города» получали обратно въ распоряженіе своихъ магистратовъ перебранныя съ нихъ суммы «на постройку», обременительная опека и «новшества» военно-полицейской администраціи (на что города жаловались еще въ 1689 году) должны были отменѣны; дворянство получало льготы по части ленныхъ повинностей, права охоты и т. п. Всѣ эти преимущества и выгоды

... dass Wir die Beschwerde derselben viel eher und geschwinder ohne Verzug auf dem Landtag, heben und remediren können.

въ сферѣ экономической имѣли цѣлью примирить сословія съ чательной утратой ихъ правительственного значенія, «нѣкоторыхъ прежнихъ обычаевъ и правъ», по выраженію инструкціи ¹⁾.

Такова была въ основныхъ чертахъ сущность миссіи, возложенной на графа ф.-Шлибена въ концѣ 1703 или не позже половины 1704 года. Къ этому времени въ берлинскихъ правящихъ кругахъ, какъ видимъ, окончательно созрѣла мысль о необходимости покончить съ ландтагомъ и опирающимся на это учрежденіе сословными политическими правами. Со стороны чиновъ не ожидалось сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія: въ концѣ концовъ, оппозиція дворянской куріи была въ глазахъ Фридриха I и его вѣтниковъ дѣломъ немногихъ «мальконтентовъ» или политическихъ новичковъ, строптивость которыхъ питается агитаціей «злонамеренныхъ людей» ²⁾, тогда какъ представители мѣстной власти, членъ вліятельной крупнопомѣстной знати, отъ которыхъ въ значительной степени зависѣлъ успѣхъ дѣла, были на сторонѣ правительства. Большая часть уѣздовъ ³⁾, и ихъ примѣръ не замедлил бы вызвать „похвальное соревнованіе» всѣхъ остальныхъ. Въ Берлинѣ всѣмъ предпочитали дѣйствовать въ этомъ вопросѣ съ извѣстной осторожностью, не придавать задуманному дѣлу характера насилія надъ освященнымъ вѣковыми традиціями порядкомъ. Реформа прусскихъ учрежденій должна была осуществляться при помощи своего республиканскаго плебисцита на мѣстахъ, явиться «въ глазахъ всего міра» не переворотомъ сверху, какихъ немало было въ сословно-монархической Европѣ XVII вѣка, а добровольнымъ расторгненіемъ со стороны подданныхъ узъ древняго «договора», ограничивавшаго полномочія новой монархіи. Поборникамъ королевскаго абсолютизма въ Пруссіи

¹⁾ Въ случаѣ необходимости повышенія суммы прусскихъ сборовъ въ случаѣ чрезвычайныхъ кредитовъ инструкція допускала возможность конвенціи, однако, не болѣе, чѣмъ изъ 10—12 депутатовъ (по 3—4 отъ каждого изъ прусскихъ «округовъ»), избираемыхъ пожизненно и, стало-быть, совершенно независимыхъ отъ населенія; при несѣняемости и малочисленности учрежденія откровенно, широкій просторъ для всевозможныхъ стороннихъ вліяній.

²⁾ «Pro memoria» ф.-Крейцена.—Relation v. Fuchs, 14. Juni 1692 (R. 6. 3. B. V. 3).

³⁾ Vorschlag etc. перечисляеть эти уѣзды (Rhein, Johannisburg, Taphelberg, Ortelsburg и др.), а также вліятельныя прусскія фамиліи, на которыя слѣдуетъ опираться при проведеніи реформы: ч. Tetten, ч. Wallerodt, ч. Schlieben, ч. Kreitzberg, ч. der Gröben и друг.

предносился увлекательный примѣръ Даниі 60-хъ годовъ, корога — духовенство и горожане — отrekliсь отъ договоренностей и признали надъ собой «абсолютный regimentъ» Фридриха III — «*potestatem summam nulli nisi Deo soli obnoxiam*». Немножко удалось ф.-Шлибену выполнить порученное дѣло, но въ немъ не имѣется никакихъ свѣдѣній, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ документахъ, среди которыхъ находится его инструкция; въ сущности, даже прямыхъ указаній на то, что эта миссія действительно осуществлялась въ 1703 или 1704 годахъ; однако, сомнѣваться въ этомъ нѣтъ основанія. Дѣло, возложенное на Фридриха Шлибена, носило всѣ черты довѣрительнаго порученія, которое могло не оставить по себѣ осязательнаго письменнаго слѣда или остаться незарегистрированнымъ въ порядкѣ обычнаго дѣлопроизводства. Спустя нѣсколько лѣтъ, уже послѣ отставки Фридриха Шлибена, на важную должность прусскаго камерпрезидента¹⁾ было возведенъ Фридрихъ фонъ-Хелдбургъ, той наградой за «приложенныя въ прусскихъ дѣлахъ усилія», которая ему была обѣщана въ инструкціи. Отсутствіе какихъ-либо свѣдѣній о ходѣ «дѣла» находитъ объясненіе и въ томъ, что оно не увѣнчалось успѣхомъ. Какъ ни были ослаблены въ то время духъ независимости и корпоративная сплоченность граждан, Фридрихъ фонъ-Хелдбургъ, видимо, не ожидалъ, чтобы они согласятся совершить надъ собою актъ политическаго самоумерщвленія, какого ожидала отъ нихъ инструкция. Вотъ почему, видимо, убѣдившись въ неисполненіи своего замысла о «добровольномъ» упраздненіи прусской старой конституціи, правительство Фридриха I уже въ ближайшемъ будущемъ должно было стать на тотъ путь, котораго до сихъ поръ оно слѣдовало, и который въ сознаніи общества начала XVIII вѣка, еще не былъ лишенъ влияния абсолютистскихъ теорій, все еще не былъ лишенъ характера правонарушенія со стороны государственной власти. Указъ Фридриха I упразднить своей властью собранія землевладельцевъ въ «королевствѣ» пріобрѣтало новую опору въ послѣднемъ прусскомъ ландтагѣ, собравшемся въ декабрѣ 1703 года²⁾. Попытка провести на немъ общее косвенное обложеніе (General-accese) не имѣла успѣха; дворянство настаивало на

¹⁾ Acta Borussica, I, 73.

²⁾ Relation der pr. Regierung, 15. Okt. 1703 (R. 6. B. 8. B. 6).

предложенной имъ недостаточной суммѣ сборовъ, разрѣшенію на 2 года (вмѣсто triennium'a, котораго требовало правительство) и проявило такую неуступчивость, что оберраты поднимали вопросъ о роспускѣ ландтага или примѣненія королевской Instanz, ожидая, впрочемъ, желательнаго «эфекта» отъ послѣдней мѣры. До половины 1705 года никто въ Кенигсбергѣ, повидимому, не былъ посвященъ въ берлинскія рѣшенія или не ожидалъ, чтобы слухи о томъ могли превратиться въ дѣйствительность. Въ концѣ лѣта (24 августа) оберраты, по обыкновенію, заблаговременно обитались въ Берлинѣ съ представленіемъ о необходимости собрать въ ноябрѣ «конвокацію» для разрѣшенія новыхъ налоговъ ²⁾, но задолго до отсылки этого донесенія былъ подписанъ рескриптъ (9 августа) и довѣренному агенту берлинскаго двора гофрату Jemke находившемуся въ Кенигсбергѣ, поручено было „въ великой тайности“ ознакомить съ его содержаніемъ двухъ членовъ прусскаго провинціального правленія, канцлера Георга-Фридриха ф.-Крейцера и обербургграфа ф.-Раушке, и предложить имъ сообщить свои сужденія относительно королевскихъ намѣреній и способовъ ихъ выполненія. Не безъ смущенія узнали оберраты, что «Е. К. В. какъ на сей разъ, такъ и на будущее время въ собраніяхъ земскихъ чиновъ надобности не видитъ», за благо почитая ихъ вовсе отмѣнить, а земскія повинности взыскивать по старому, въ размѣрѣ установленномъ въ послѣдній разъ, не испрашивая соизволенія отъ словій. Обербургграфъ въ своемъ донесеніи ³⁾ свидѣтельствовалъ свою неизмѣнную покорность монаршей волѣ, но подѣ его записками въ преданности сквозило горестное изумленіе по поводу полученныхъ извѣстій и трудно было прочесть готовность служить королевскому «дѣлу». Въ Берлинѣ предпочитали, поэтому, въ ближайшемъ имѣть дѣло съ однимъ ф.-Крейцеромъ и на него всецѣло возложить подготовку общественнаго мнѣнія къ имѣющимъ произойти перемѣнамъ. Канцлеръ обнаружилъ, въ противоположность ф.-Раушке, большой запасъ дипломатической изворотливости и

¹⁾ Relation der pr. Regierung, 28. Jan. 1704. (R. 6. B. V. B. 6, гдѣ и осталая переписка 1705—6 г.). Относительно Instanz см. *Bergmann*, 83.

²⁾ Relat. der pr. Regierung, 24. Aug. 1705.

³⁾ Rauschke an der König, 7. Sept. 1705.

новой гибкости: онъ умѣлъ, какъ нельзя лучше, попасть въ тонъ политическихъ настроеній, когда писалъ ¹⁾, что сохраненіе или отмена ландтаговъ зависитъ всецѣло отъ воли короля, и что сословія королю себѣ не имѣютъ *jus congregandi*,—попытка ихъ собраться безъ королевскаго соизволенія была бы наказуемымъ дѣяніемъ—однакожъ я не составляю независимаго отъ верховной власти политико-правового союза (*Corpus*). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Крейценъ извѣщалъ увѣренность, что король, освободившись отъ сословнаго контроля, не возложитъ на страну чрезмѣрнаго (*über sein Maass*) податнаго бремени, и что жалобы прусскихъ подданныхъ будутъ «отечески выслушиваемы, несмотря на пріостановку делъ». Послѣднія слова были явнымъ отголоскомъ тревоги, которая возбуждала въ чинахъ перспектива утратить, заодно съ политикой, и право самообложенія и не менѣе цѣнное право петицій.

Увѣренность относительно поведенія чиновъ побуждала правительство еще въ теченіе нѣкотораго времени хранить въ тайнѣ намѣренія. Въ Берлинѣ опасались неблагоприятнаго впечатлѣнія (*schlechte Impressionen*), какое можетъ произвести внезапное извѣщеніе среди дворянства, и канцлеру подавали совѣтъ продолжать свои усилія въ эту сторону ²⁾. Крейценъ спрашивалъ канцлера 1-го октября, не слѣдуетъ ли сообщить о намѣреніи Его Величества представителямъ дворянства и городовъ, которые уже направили справки о ландтагѣ, или оставить все *in dubio*, общая съ ними «подготовить» тѣхъ и другихъ «соотвѣтственно высочайшему намѣренію и интересу Его Величества» ³⁾. Разрѣшеніе было дано въ концѣ того же мѣсяца: Крейцену поручалось разъяснить сословнымъ представителямъ мотивы, побуждающіе короля къ преобразованіямъ,—на первомъ мѣстѣ стояли обычные упреки въ волокитѣ (*weitläufige Deliberationen*) и злоупотребленіи властью ландтага—и въ то же время завѣрить ихъ, что всѣ права собственности земли останутся неприкосновенными и обложеніе не выйдетъ изъ обычной нормы ⁴⁾. Крейценъ не замедлилъ обо всемъ

¹⁾ Kreytzen an den König, 7. Sept. 1705.

²⁾ An den Kantzler v. Kreytzen nach Preussen, 25. Sept. 1705: ihre Mitbrüder dem Adel animiren.

³⁾ Kreytzen an den König, 9. Okt. 1705.

⁴⁾ An den Kantzler v. Kreytzen, 20. Okt. 1705.

этомъ довести до свѣдѣнія прочихъ оберратовъ, еще не посвящен-
ныхъ въ дѣло, и другихъ обращающихся къ нему лицъ изъ го-
родской среды. Въ новомъ донесеніи онъ предлагалъ поставить впро-
сръ на официальную почту, а именно — извѣстить «правленіе»
рескриптомъ о приѣздахъ сословныхъ собраний и повелѣть имъ
разослать соответствующія сообщенія по уѣздамъ, гдѣ Напріе-
дны должны были ознакомить съ ними мѣстные общества земледѣ-
льцевъ и дать имъ, такимъ образомъ, возможность приготовиться
къ внесенію причитающихся на слѣдующій годъ повинностей.
Королевскіе указы, изданные 28 ноября на имя оберратовъ
комиссаріата, полагали конецъ господствовавшей до тѣхъ поръ не-
опредѣленности: «правленіе» должно было понять, что король на-
велѣлъ бы созвать чины своевременно, еслибы не считалъ ихъ из-
вѣщанія излишними (unnötig); размѣръ прямыхъ налоговъ оставался
безъ измѣненія на слѣдующій годъ, хотя тревожныя военныя обсто-
тельства могли бы оправдать даже значительное повышеніе сборовъ.
военная палата должна была принять надлежащіе мѣры по взима-
емой установленной суммѣ, не останавливаясь, еслибы встрѣтилась не-
добноть, предъ рѣшительными мѣрами понужденія (unaussetzliche
militärische Execution) по отношенію къ неисправнымъ плательщи-
камъ²⁾. Считались, такимъ образомъ, возможными попытки сопро-
тивленія неразрѣшеннымъ на ландтагъ сборамъ! Крейтценъ на-
ходилъ необходимымъ извѣщать о томъ приѣмъ, какимъ будутъ
встрѣчены эти требованія въ теченіе ближайшаго мѣсяца, и усердно
работалъ надъ ихъ проведеніемъ, полагая при этомъ, что лишь
крайне «осторожный и скрытный образъ дѣйствій» можетъ привести
къ желательному результату³⁾. Нужно ли говорить, что для не-
добныхъ опасеній сословные чины начала XVIII вѣка не давали
почти никакого повода? Новые порядки финансоваго законода-
тельства и управленія входили въ жизнь, не встрѣчая сопротивленія
съ чьей либо стороны, ohne eines gehaltenen Landtages und keine
Menschen Contradiction, какъ торжествующе сообщалъ Крейтценъ

¹⁾ Kreytzen an den König, 10. Nov. 1705.

²⁾ Reskript an die pr. Regierung, 28. Nov. 1705. — Reskript an die pr. Kriegskammer, 28. Nov. 1705.

³⁾ Kreytzen an den König, 14. Dez. 1705.

1706 года: дѣло подвигалось впередъ настолько успѣшно, что провинціальное поступленіе доходовъ въ первую половину года считаться обезпеченнымъ; даже города не протестовали противъ повышения ихъ податного оклада. Осенью канцлеръ высказывалъ рѣшительность въ полномъ успѣхѣ монархической реформы¹⁾.

Начало ли это, что прусское дворянство такъ легко и безропотно смирилось съ утратой своихъ политическихъ правъ, «драгоцѣннаго своего сокровища». Въ послѣднемъ донесеніи Крейценъ, впрочемъ, отмѣчалъ, что въ мѣстныхъ кругахъ слышались требованія по адресу оберратовъ, чтобы они ходатайствовали о разрѣшеніи ландтагъ еще до истеченія этого года²⁾. Видимо, въ этомъ настояніи, провинціальное правленіе въ октябрѣ обратилось къ королю съ донесеніемъ, въ которомъ указывало на «нравственное послушаніе», съ какимъ были встрѣчены сословіями прусскіе указы, и просило монаршихъ указаній относительно этого года, избѣгая, однако, прямого упоминанія о ландтагѣ³⁾.

Въ эти прусскія чаянія, надежды на восстановленіе ландтага, вѣрили, по всей вѣроятности, толчкомъ къ учрежденію (въ октябрѣ 1706 года) чрезвычайной комиссіи подъ предсѣдательствомъ графа Ф.-Вартенберга, которая и должна была рѣшить, какъ указать, оформить уже предрѣшенную судьбу ландтага.

Еще раньше, въ іюнѣ 1706 года, ортельбургскій гауптманъ Гансъ I. А. Кальнейнъ подалъ оберкаммергеру известную намъ записку⁴⁾, содержаніе которой проливаетъ свѣтъ на

Creytzen an den König, 5. Febr. 1706. — Idem an den König, 24. Sept. 1706. B. 12. B. 6.).

Creytzen an den König, 24. Sept. 1706: wenn ich nicht zu besorgen hätte, so wäre aus sehr dörle gedrungen werden eine Anfrage wegen des Landtages ausd. um solch einen auf dieses Jahr in Unterthänigkeit instanter anzuhalten.

Relation der preuss. Regierung, Okt. 1706: damit wir nun mit E. K. M. um Erlaubniß wissen mögen, welcher Gestalt Sie es aufs bevorstehende befehlen haben wollen, werden E. K. M. allergnädigsten Befehl in Allerunterwerfung abwarten.

Еще въ августѣ 1705 года Кальнейнъ обращался къ Ф.-Вартенбергу чрезъ своихъ приближенныхъ послѣдняго съ предложеніемъ своихъ литературныхъ трудовъ (Hofrat Grabe, 4. Aug. 1705) и получилъ приказаніе etwas bringen. Интересно для характеристики дворянско-служилой среды начала XVIII в. то, что авторъ сообщаетъ въ предисловіи объ обвиненіи его въ нечестности съ стороны соперниковъ (ob wäre ich nehmlich zumahlen auf den Hofrat dem Königl. Interesse entgegen und unziemlicher massen zuwider) съ той цѣлью, чтобы отъснять его «bey vorgefallenen Vacantien».

настроеніе прусскихъ сословій въ это переходное время. Реформа вызвала сильное возбужденіе въ земскихъ кругахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, породила полную неопредѣленность относительно дальнѣйшей судьбы сословныхъ учреждений: по смыслу указовъ 28 ноября можно было при желаніи, заключить, что пріостановка созыва ландтаговъ осенью 1705 года была временной только мѣрой, вызванной особыми внѣшними обстоятельствами ¹⁾, и къ такому толкованію охотно склонилась большая часть дворянства, — въ томъ числѣ и самъ Кальнейнъ, — все еще надѣявшаяся, что ландтаги, послѣдній оплотъ его социальныхъ преимуществъ ²⁾, не будутъ окончательнo упразднены (*sachlich abrogiret*). Съ негодованіемъ встрѣчало оно въ своей среде такихъ измѣнниковъ сословному интересу, приверженцевъ абсолютизма, которые сочувствовали полной «кассаци» ландтаговъ. Нетрудно, разумѣется, — писалъ Кальнейнъ — осуществить подобную реформу, ибо право созыва чиновъ — въ рукахъ монарха и всѣхъ совѣщанія внѣ ландтага считаются, по закону, недозволенными сборищами (*pro conventiculis*), но отъ такого рѣшенія произошелъ только «непоправимый вредъ для Его Королевскаго Величества и Его прусскаго королевства». Дальнѣйшее въ разсматриваемой запискѣ является своего рода апологіей сословной политической системы, точнѣе — ея государственно-хозяйственныхъ установленій, причемъ мѣстами угадывается скрытая полемика по адресу поборниковъ монархизма, оправдывавшихъ преобразованія ссылками на «неограниченный суверенитетъ» ³⁾. Постановленія ландтаговъ относительно новыхъ податей обладали въ глазахъ населенія такимъ авторитетомъ и принудительной силой, что вся финансовая дѣятельность, раскладка сборовъ и поступленіе доходовъ, получали изъ

¹⁾ Въ указъ на имя оберратовъ, именно, говорилось о военныхъ опасностяхъ въ Германіи и сосѣдней Польшѣ (Reskript an die pr. Regierung, 28. Nov. 1705).

²⁾ Kurtzer, doch wohlgemeinter Entwurf: ...eintzig und allein aus der gefassten Beisorge aller ihrer wohlerlangten Privilegien und Berechtigungen ganzlich verlustig zu gehen, wann die Landtage weiter ausgesetzt und die Willkuren auf etliche Jahre eingegangen werden sollten.

³⁾ Andere halten, ich weiss nicht aus was für übereilten Absehn, dass man die bisher üblich gewesene Landtage und Deliberationes mit den Ständen ganz und gar aufheben und cassiren sollte.

⁴⁾ ...Massen S. K. M. obzwar von unbeschränkter Souverainität, dennoch dabei auch unimmermehr sattsam zu rühmender Gottesfurcht sind etc.

устойчивости и определенности, который неминуемо исчезнет при новомъ порядкѣ; управлять страной и добывать необходимыя средства станетъ несравненно труднѣе прежняго, возрастутъ смуты (*confusiones*), жалобы, недовольство. При сборѣ «конри», и безъ того не пользующейся популярностью, а нынѣ, лишеной санкціи законодательнаго учрежденія, встрѣчатся значительныя затрудненія, а разныя мѣры государственнаго хозяйства, постой, реквизиція сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и прочее движимаго имущества, только разорять плательщиковъ и не смогутъ привести къ желательнымъ результатамъ. Въ концѣ концовъ, корона (*Cron und Scepter*) скорѣе потеряетъ въ смыслѣ авторитета и вліянія въ странѣ, нежели выиграетъ отъ реформы. Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія является, по мнѣнію Кальнштерна, восстановленіе прежней «гармоніи» между государственной властью и чинами, для чего необходимо возвращеніе къ старымъ порядкамъ самообложенія и созывъ ландтага. Авторъ утверждаетъ, что сословія пойдутъ теперь на всяческія уступки, и не станутъ вотивовать подати на продолжительные сроки—до шести-восьми лѣтъ включительно—безъ затрудненій и обычныхъ проволочекъ (*und in gar wenig Tagen*), не обременяя страну расходами на содержаніе сословныхъ депутатовъ, лишь бы они увѣрились въ доброту правительства выслушивать и разсматривать по существу дѣла петиціи. Обсужденіе этихъ ходатайствъ могло бы быть поручено на смѣшанную комиссію изъ королевскихъ уполномоченныхъ и нѣсколькихъ членовъ ландтага, старое требованіе, столько имѣвшаяся—и въ 1689, и въ 1699 годахъ! Новымъ мотивомъ это заявленіе, что въ основу отношеній монархіи и земства слѣдуетъ положить *Regierungs-Instrument* 60-хъ годовъ послѣ необходимости въ немъ поправокъ и дополненій. Когда то отвергавшіяся какъ недопустимое покушеніе на ихъ полуреспубликанскую конституціонный актъ Великаго курфюрста теперь составлялъ бы не предѣлъ сословныхъ политическихъ стремленій.

Заявленія, которыя здѣсь сдѣланы Кальнштерномъ, не были его личнымъ мнѣніемъ: записка несомнѣнно отражаетъ взгляды умѣренной и лояльной части прусскаго дворянства, считавшей необходимымъ—при всей ея готовности мириться съ новой властью—

сохраненіе, по крайней мѣрѣ, основныхъ гарантій своихъ ностей»; самое появленіе записки можно разсматривать какъ попытку противодействовать влиянію поборниковъ абсолютизма, рые не оставались предъ обвиненіемъ «умѣренныхъ» въ молѣ, въ принципиальной враждебности къ монархіи (*unpäßigkeit und Hartnäckigkeit und renitence*). Устами Кальвейна говорила та «первенствующаго сословія», которая, уставъ отъ долгой и пѣшной борьбы съ монархіей, всему предпочитала уставовъ прочныхъ и опредѣленныхъ правоотношеній (*gewisse positive minis*), какъ бы новаго договора съ монархіей, который положилъ бы извѣстныя границы ея всеподчиняющему и требовательному вторженію въ сложившійся вѣками бытъ сословнаго общества.

Рѣшенія правительственной комиссіи, созданной, какъ было упомянуто, въ ноябрѣ 1706 года, полагали конецъ всѣмъ этимъ политическимъ иллюзіямъ. Комиссіи этой, составленной изъ заветныхъ противниковъ прусской самостоятельности¹⁾, потребовалось, кажется, не больше одного засѣданія чтобы отвѣтить на вопросъ поставленный на ея разрѣшеніе: «не надлежало ли бы почтѣ благо, при нынѣшнемъ состояніи дѣлъ и по причинѣ возведенія цогства Прусскаго на степень королевства, Его Величеству никакихъ ландтаговъ не держать, но, какъ до сего дня, прежде бывшія подати взыскивать ежегодно и далѣе такъ поступать». Изъ всѣхъ участниковъ комиссіи было безспорно, что ландтаги служатъ лишь къ появленію «безпричинныхъ и дерзостныхъ жалобъ», лучшее доказательство *gravamina* 1699 года; безъ преній и огласно было принято постановленіе объ упраздненіи на будущее время этого учрежденія, стѣснявшаго неограниченную власть.

Вполнѣ послѣдователенъ былъ гофратъ Jetzke, предложившій изъять «въ такомъ случаѣ» изъ обращенія «такъ называемую книгу привилегій» прусскихъ чиновъ, извѣстный сборникъ жалованій

¹⁾ Участвовали въ ней: Вартенбергъ, Данкельманъ (Даніэль Лудвигъ Пальгенъ и гофратъ Jetzke, сыгравшій извѣстную роль въ дѣлѣ отмены ландтаговъ 1705 г. *Protokoll der Kommission wegen der preussischen Landtage*, 8. X. 1706. (R. 6. B. B. B. 6).

²⁾ *Protokoll der Kommission*: wird unanimität dafür gehalten, dass S. K. M. keine Landtage mehr zu convociren, welches S. K. M. wegen des impertinenten *gravaminis* von 1699 zu thun befugt.

и рецессовъ, напечатанный еще въ началѣ XVII вѣка и ставшій горделивымъ девизомъ, въ которомъ отразилось столь въ ту пору политическое самосознаніе сословій¹⁾. Предложеніе было принято и, кажется, не обсуждалось: новая сила, новая бюрократія, не считала полезнымъ раздражать побужден- ныхъ противниковъ, чины, для которыхъ старинная книга была «думомъ» ихъ исконныхъ вольностей.

Въ пассивности, съ какой встрѣтили они теперь формальную «свою» областную «конституцію», лучше всего сказался тотъ духъ сословнаго духа и энергіи, о которомъ свидѣлствуетъ представитель этой эпохи²⁾. Уѣздные сѣзды, оставшіеся теперь единственной формой дворянскаго представительства въ Пруссіи, были совершенно безучастны къ совершившейся перемѣнѣ. Въ 1706 года оберраты могли сообщать, что ихъ распоря- женіе сборъ налога на 1707 годъ вездѣ на мѣстахъ оказано «исполненіе», и что его необходимость «понимается» всѣми³⁾. Пренебреженіе сословій все болѣе и болѣе отходитъ въ это время отъ главныхъ вопросовъ государственнаго значенія и сосредото- чивается дѣлахъ мѣстнаго хозяйственнаго самоуправленія дворян- скихъ корпорацій, приуроченнаго къ такъ называемымъ «округамъ»⁴⁾. Чины какъ единое цѣлое (Corpus) прекращаютъ свое су- ществованіе, вмѣстѣ съ общесословнымъ представительствомъ.

Послѣ крушенія сословныхъ институтовъ не могъ остаться неизмѣненнымъ послѣдній органъ провинціальной автономіи — сеймъ прусскихъ оберратовъ. Въ томъ же 1706 году она была упразднена по предложенію Ильгена, своего обособленнаго и полуне- зависимаго положенія; оберраты пріобрѣли «характеръ» королев- скихъ тайныхъ совѣтниковъ, были уравнены (parificiret) съ другими чинами какъ въ отношеніи содержанія присяги, которую обя- заны приносить при назначеніи на свои должности, такъ и въ отношеніи достоинства, причемъ старинный титулъ «оберратовъ», въ которомъ слышались отголоски правительственнаго верховенства

¹⁾ Privilegia der Stände des Herzogthums Preussen (Brunsbergae, anno 1616).
²⁾ «... homini praesertim Nobili ignorare jus in quo ipse natus sit».

³⁾ Bergmann, 113.

⁴⁾ Relation der pr. Regierung, Dez. 1706 (R. 6. B. B. B. 6). Bergmann, 52.

сословій, объявлялся упраздненнымъ ¹⁾, а вскорѣ послѣ этого, еще при жизни Фридриха I былъ сдѣланъ и послѣдній шагъ—послѣдовало полное ихъ сліяніе (völlige Combination und Gleichheit) членами берлинскаго Тайнаго совѣта ²⁾: сословный административный органъ раздѣлилъ судьбу сословнаго законодательнаго учрежденія.

Нѣтъ, думается, необходимости опредѣлять во всѣхъ подробностяхъ значеніе разсмотрѣннаго нами эпизода изъ исторіи взаимныхъ отношеній монархіи и земства въ Пруссіи на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ. Въ исторіи гогенцоллернскаго «сложно-составнаго государства» какъ любятъ его называть нѣмецкіе государствовѣды и историки, мѣропріятія Фридриха I были послѣдовательнымъ и исторически необходимымъ шагомъ въ движеніи этого государства отъ личной уніи реальной, начавшемся при Великомъ курфюрстѣ и закончившемся лишь въ XVIII вѣкѣ, однимъ изъ послѣднихъ ударовъ, нанесенныхъ остаткамъ областной самостоятельности и идеѣ договорныхъ отношеній между «землей» и «властью». Въ частности, для самой Пруссіи (герцогства) акты 1705—1706 г.г. имѣли то значеніе, что создали здѣсь обстановку, въ которой только и возможно было преемнику перваго короля сладить съ «юнкерской спесью», превратить несговорчивыхъ вассаловъ въ покорный служило-бюрократическій классъ и, такимъ образомъ,—говоря словами самого Фридриха Вильгельма,—«воздвигнуть суверенитетъ, какъ бронзовую плиту, среди обломковъ сословной государственности».

Н. Гольдина.

¹⁾ Acta Borussica, I, 30—31: Erlass an die preussische Regierung, 17. Mai 1713.

²⁾ Acta Borussica, I, 213: Erlass an die preussische Regierung, 2. Juni 1713.